

Алёна Шахнина

Братья

«Литнет»

2026

Шахнина А.

Братья / А. Шахнина — «Литнет», 2026

Настя: Меня не нужно жалеть. Я не прошу помощи. И уж точно не верю в бескорыстную заботу. Пять лет детдома отбили во мне эту глупую надежду. Теперь у меня есть только цель — забрать брата. Работа, учёба, спорт. Ничего лишнего. Никого рядом. А потом появились они. Трое братьев с одинаковыми чёрными глазами. Один командует, второй улыбается, третий молчит. И все трое лезут в мою жизнь, будто имеют на это право. Особенно он. Весёлый, настойчивый, невыносимый. Кормит, когда я голодаю. Спасает, когда я падаю. Смотрит так, будто я — не сломанная детдомовская девчонка, а самое ценное, что у него есть. Я не просила его о помощи. Но он всё равно здесь. Матвей: Я привык добиваться своего. На баскетбольной площадке, в институте, в жизни. Упрямство — моё второе имя. Но она — другое. Она отталкивает, хамит, убегает. Говорит, что не нуждается в помощи, а сама падает в обморок от голода. Она носит чужую кофту, но отказывается от чашки кофе. Она сильнее любого мужчины, которого я знаю, и одновременно — самая хрупкая. Я не знаю, что с ней случилось. Не знаю, почему она боится доверять. Не знаю, как заставить её остаться. Знаю только одно: я буду рядом. Даже если она сто раз скажет «уйди». Даже если брат смотрит на неё так же, как я.

Содержание

Глава № 1	5
Глава № 2	9
Глава № 3	15
Глава № 4	20
Глава № 5	29
Глава № 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава № 1

— Настя —

На потолке длинного коридора болталась одинокая лампочка, неприятно моргая желтым светом. Его едва хватало, чтобы разрезать полумрак от стены до стены и рассмотреть квадратные темные таблички. Сквозняк от окна и открытых дверей раскачивал лампочку на тонком черном проводе, и она болталась из стороны в сторону, как маятник, пытаясь достать лучами до всех уголков коридора. Нос щекотал запах еды, лака для волос и туалетной воды, смешиваясь с запахом свежей краски и растворителя. На желтых стенах то тут, то там висели засохшие жвачки, виднелись надписи и грязь.

Я толкнула дверь с цифрой «17» и зашла в это небольшое, убогое помещение. Вдоль стены стояли две деревянные кровати с низкой спинкой, еще одна примыкала к окну. Рядом был пошарпанный письменный стол с разрисованной столешницей и высокий шкаф с приоткрытой дверцей.

— Привет, — сказала мне девчонка, расправляя старый серый матрас с синими полосками. — Яна.

Я кинула на кровать рюкзак и сразу распахнула окно, избавляя комнату от неприятного запаха сладких духов. Свежий, прохладный воздух ударил в лицо, и я совершенно непроизвольно вздрогнула.

— Настя, — небрежно бросила я через плечо.

— Из какой группы? — спросила соседка, распаковывая новое постельное белье.

— Третья.

— Я тоже.

Хотела ответить, что шикарно, но промолчала. Мне, собственно, плевать, откуда она, да и как зовут тоже. Но Яна точно хотела поболтать, и уже открыла рот, чтобы посвятить меня в свою жизнь, и тут же распахнулась дверь в комнату. К нам зашла девчонка с надменным, высокомерным взглядом, сразу оценивая не обстановку, а нас. Ее зеленые глаза под толстым слоем косметики бегали между нами, выискивая жертву. Я не стала играть в гляделки, отвернулась к кровати и расправила уже изрядно потрепанный матрас.

— Мне нужна кровать возле окна, — сказала новая соседка за моей спиной.

— А мне нужно, чтобы сейчас в комнату ворвался Брэд Питт и увез меня на Канары, — ответила я, расстилая постельное белье.

— Что ты несешь? — пискнула она с ноткой отвращения.

Со вздохом и нескрываемым раздражением я повернулась к ней и посмотрела сверху вниз. Девчонка была почти на полголовы ниже меня, хотя ее ЧСВ явно летало где-то в районе солнца.

— У нас разве не обмен мечтами? — удивилась я.

Девчонка оказалась менее дружелюбной, чем Яна, и не стала продолжать разговор. А жаль, я только настроилась на душевные беседы, обмен любезностями. Уже придумала много ласковых прозвищ для этой белокурой красотки, но она ушла. Заняла кровать возле Яны и отвернулась, показав, что она не гордая.

В коридоре становилось очень оживленно и шумно. Девичьи голоса с разной тональностью перемешивались со смехом и даже визгом. И мысленно я снова оказалась там, откуда совсем недавно вышла со скромным пакетом и документами. Духота в комнате, шум, стоящие возле стенки кровати до боли напоминали тюрьму, в которой я провела пять лет. С единственной разницей — здесь я могла выйти в любой момент, а там — нет.

Яна сидела на кровати и читала книгу — что-то из современных авторов, но я не вникала. Она прижималась спиной к стене и ее вдумчивый взгляд покоился на белых страницах. Иногда

она хмурилась, сводила брови, и на лбу пролежала вертикальная морщина. Ее пальцы теребили русый хвостик, наматывали прядь, потом разматывали. И так до бесконечности.

Вторая соседка прилипла к телефону, то печатая сообщения, то отправляя голосовые. Делала все громко, будто специально раздражая меня до зубного скрипа. Глупо хихикала, жевала жвачку и лопала пузыри во рту. Ни на меня, ни на Яну она ни разу не обратила внимания, полностью погруженная в свой мир. Из динамика ее телефона раздавались мужские и женские голоса, иногда смех и крики. Она смеялась в ответ, и это бесило еще больше.

До привычного мне отбоя оставалось полчаса, и я искупалась в общей душевой на скользком полу. Вернулась в комнату, выключила свет и легла в кровать. Блондинка зыркнула на меня своим ненавистным взглядом, Яна молча захлопнула книгу и зарылась под одеяло. Плевать, режим есть режим, и правила одинаковы для всех.

Первый учебный день начался с классного часа в кабинете литературы — на стенах в тонких рамках висели фотографии классиков, цитаты из произведений и громкие слова для мотивации к чтению. Перед группой выступил куратор Олег Николаевич — довольно приятный на внешность мужчина лет сорока пяти. В квадратных очках, строгом костюме, с идеально уложенными волосами, он наверняка понравился многим девчонкам, хоть и годился в отцы. Прошла стандартная переключка, на которой мне удалось узнать, что блондинку зовут Ольхова Полина. Она уже пристроилась рядом с парнем на второй парте. Высочка и дура — вынесла вердикт я, когда она глупо хихикала с одноклассником.

Я сидела на последней парте возле окна, и со мной села Яна. Я не поняла, когда мы успели стать подругами, но она жалась ко мне возле кабинета, а потом хвостиком прошла до парты. И не то чтобы мне это не нравилось, скорее, непривычно и странно. Я привыкла к другому — меня побаивались, сторонились, да и дружить я не особо умею, особенно с девчонками. Но отталкивать Яну не стала — она сама поймет, что подруга из меня как балерина из слона.

Скучный классный час, на котором куратор рассказывал об учебе, предметах и правилах, закончился дружным галдежом. Всех отпустили готовиться к завтрашнему полноценному учебному дню, и одноклассники толпой вывалились из кабинета. Кто-то отправился домой, другие решили познакомиться поближе и ушли в кафе, а у меня была всего одна дорога.

Я стояла в светлом, тихом помещении и ждала, рассматривая рисунки на стене. На белых листках красовались уродливые птицы со сломанными крыльями, двумя клювами и квадратными глазами. Один рисунок выделялся среди других — на нем красный голубь (или ворона, не поймешь) был обведен красным сердцем. Кто такой романтичный я догадывалась — в группе была всего одна девочка, способная на яркое выражение чувств. Видно, что она сильно старалась, вырисовывая кривую голову и крылья. Получилось довольно неплохо, по крайней мере менее мрачно, чем другие рисунки.

— Наська! — раздался крик из другого конца помещения, и ко мне бросился мальчишка в белой майке и черных шортах.

— Привет, бандит, — улыбнулась я и подхватила брата на руки. — Как дела?

— На физре были, — сказал Павлик и обхватил мою шею. — Ты пришла забрать меня? Я погладила Пашку по спине и уткнулась носом в его шею, пахнущую столовским супом.

— Нет, бандит. Пока нет. Но скоро заберу, обещаю.

— Когда? — тихо сказал он за моей головой и крепче вцепился в шею.

— Скоро, — повторила я. — Пока не могу, Паш. Но я буду часто приходить.

Брат шмыгнул носом, и я сильнее прижала его к себе. Крепко сжала губы, чтобы не разреваться — увидь меня Пашка со слезами, не успокоится.

— Тебя не обижают, Паш?

Павлик быстро замотал головой и снова шмыгнул носом. Я была готова отдать все на свете, лишь бы он не плакал, но пока могла сделать только одно. Опустила брата на пол и

достала из кармана слегка помятое шоколадное яйцо. Павлик вытер глаза руками и нетерпеливо схватился за Киндер. Посмотрел по сторонам, быстро вскрыл хрустящую упаковку и сразу засунул шоколад в рот. Тут же открыл пластиковый контейнер и достал маленькую гоночную машинку. Делал все быстро и резко, чтобы не заметили другие ребята. Я забрала у него мусор, вытерла ему рот от шоколада, пока он восхищенно рассматривал игрушку.

Я хотела остаться с ним подольше, забрать на прогулку, но через полчаса у меня смена, и пришлось попрощаться с братом. Павлик крепко сжал игрушку, пряча ее в руке, обнял меня и убежал обратно на физкультуру. Я смотрела вслед брату с такой тоской, что сжималось сердце. Как он тут один, без меня? Раньше его никто не трогал — знали, что придет злая сестра и надает по голове. А теперь он, такой послушный и добрый мальчик, совсем один.

Но раскисать было некогда. Я быстро добежала до кафе, схватила рабочую куртку и сумку. Доставка заказов — не лучшая работа, о которой я мечтала, но единственно доступная мне. Молодая, без опыта, два месяца назад выпустившаяся из детдома — просто идеальный работник для всяких пиццерий и пунктов выдачи. Платят мало, но каждый рубль приближает меня к заветной цели — забрать брата к себе. Конечно, деньги — не единственное, что нужно от меня для этого. Еще положительная характеристика с места учебы и свое жилье. Последнее у нас есть, осталась квартира от матери, и сейчас комнаты стоят под толстым слоем пыли. Когда-нибудь я решусь пойти туда, но не сейчас.

Остается только накопить деньги на адвоката и заработать хорошую характеристику в институте. После этого можно уходить на заочку, забирать Павлика и устраиваться на более оплачиваемую работу. Но пока это только в мечтах, я вынуждена разносить заказы, смотреть на недовольные лица и молчать в ответ на хамство.

В общежитие я возвращалась уставшая и злая. Вечерняя прохлада не бодрила, и жутко хотелось спать. За пять лет жизни в детдоме я привыкла к местному распорядку, и даже после выпуска просыпаюсь ровно в семь, а спать ложусь в десять. И уже не представляю, что смогу жить по-другому.

Возле каменной лестницы общежития со стороны женского корпуса стояла компания. Издалека я увидела Полину, рядом с ней были еще две девчонки и двое парней. Похоже, знакомство с одноклассниками прошло удачно, раз они не могут разойтись даже в девять вечера. Я шла спокойно и молча — бояться компаний я отучилась спустя год после попадания в детдом, как и смущаться перед незнакомцами. Но едва я оказалась в поле зрения блондинки, она сначала замолчала, а потом начала что-то активно шептать своим друзьям. Взгляды сразу устремились в мою сторону, но и это меня не пугало.

Я прошла мимо с абсолютно каменным лицом под общее молчание. А жаль. Вот бы блондинка огрызнулась, чтобы я могла накопившуюся за день злость выплеснуть на нее. Даже шаг замедлила, ожидая оскорблений или чего-то еще. Но она молчала. И мне пришлось уйти в комнату все с тем же раздражением, что и было.

Усталость и режим сделали свое дело — я уснула сразу, едва голова коснулась подушки. Но резко проснулась от громкого звука. Сначала не поняла, что произошло — в комнате темно, только падал свет от телефона блондинки. Она хихикала, быстро печатала и снова хихикала. Я закрыла глаза и провалилась в сон. Но проснулась снова и поняла, что мешает спать уведомления на телефоне Полины. Посмотрела на часы — половина первого. Опять попыталась заснуть, но смех блондинки, стук клавиатуры на телефоне и уведомления в тишине комнаты были как звон колокола.

Поерзав на кровати, я поднялась, подошла к Полине и встала перед ней. Она слегка сдвинула телефон в сторону и посмотрела на меня своими ядовитыми глазами.

— Если ты не прекратишь, я выброшу твой телефон в окно, — спокойно сказала я.

— Ну попробуй, — фыркнула она и снова уткнулась в экран.

Без каких-либо эмоций я выхватила ее телефон и понесла к окну. Блондинка тут же подскочила и дернула меня за руку.

— Отдала! — крикнула она.

— Отдам, если ты заткнешься и ляжешь спать.

Полина, видимо, не расслышала мой тихий голос, и я вырвала руку. Открыла окна и уже приготовилась выбросить ее дорогой телефон, как она взвизгнула позади меня.

— Ладно!

Я пару секунд колебалась. Я и правда могла выбросить, если она не понимает по-хорошему. Но решила поступить благоразумно, захлопнула окно и вернула телефон блондинке. Она выдернула его из моей руки и наградила меня звериным взглядом.

— Дура! — выплюнула Полина и завалилась на свою кровать.

Я промолчала на ее выпад, и легла на свою постель. Накрылась одеялом и, наконец, заснула в тишине.

Глава № 2

— Настя —

На первой паре перед группой снова выступал куратор — серьезный, немного взволнованный, он делал голос как можно тверже. Студенты еще одной ногой были на летних каникулах, головой — в стенах школы, и сначала долго успокаивались. Прогулка после классного часа стала отправной точкой для начала великой дружбы, и первые десять минут пары в аудитории стоял гул. Куратор терпеливо ждал, пока закончатся разговоры, шепот, смех, кашель и другие посторонние звуки. Постепенно, парта за партой, группа успокаивалась, студенты замолкали и, наконец, наступила долгожданная тишина.

Куратор начал с переклички, называя фамилии в алфавитном порядке, и ставил в журнале отметки, услышав стандартное «здесь», «тут» или «я». Затем он рассказал о дополнительных занятиях, платных курсах и спортивных секциях. Это было интересно — в детдоме я играла в баскетбол, и физическая нагрузка была единственным способом справиться с агрессией. Иногда неконтролируемой. Кажется, здесь мне тоже пригодится спорт, иначе телефон блондинки точно улетит в окно. Или она сама — зависит от того, как дальше будут складываться наши прекрасные отношения. Я посмотрела Полине в затылок и машинально сморщилась, вспоминая ее ядовитый взгляд и писклявый голос. Определенно с ней будут проблемы, с такими девицами всегда много проблем, а портить другим жизнь, чтобы потешить свое самолюбие — их самая важная миссия.

— Также у нас есть движение «Спас», — сказал куратор. — Это наш личный фонд, где студенты помогают детям, старикам, проводят различные ярмарки для помощи нуждающимся. От группы нужны хотя бы пару человек, лучше — больше. Есть желающие?

Я сразу подняла руку. Нет, я не хотела заниматься благотворительностью, но мне нужна хорошая характеристика, и чем больше я буду участвовать в жизни института, тем лучше будет бумажка. Я должна показать себя активной, целеустремленной и еще кучу какой, но не запомнила, что говорил адвокат. Уяснила только одно — нужно быть на хорошем счету у педагогов, висеть на доске почета, получать грамоты, медали, кубки и что там еще дают за конкурсы. Ответственность должна стать моим вторым именем, а лучше — первым. Ради брата я готова даже на общение с другими людьми и делать вид, что мне это нравится.

Пока я держала руку, рядом возникла вторая, и я повернула голову к Яне. Вот же прилипала! Мало того, что она снова бежала за мной по институту, опять села со мной за парту, так еще и в этом дурацком движении хочет участвовать. Неужели она не видит, что я не буду обсуждать с ней парней, косметику и даже книжки?

В детдоме тоже были такие. Но там совершенно иные правила — если ты слабак, то либо терпишь издевательства, либо ищешь защиты у тех, кто сильнее и старше. Только некоторые сначала жмутся, как котята к кошке, а потом плюют в спину. Поэтому доверие — небывалая роскошь, которую нужно заслужить. Но детдом — это другой мир. Там вечная борьба за выживание, а здесь институт, взрослые люди, не нуждающиеся в лишнем куске хлеба или внимании воспитателей, и я искренне не понимала — к чему у Яны такое рвение.

— Девочки, после пар в 302 кабинет подойдите, вас будут ждать, — сказал куратор, и я кивнула.

Четыре пары тянулись целую вечность. Информатика и алгебра еще как-то заинтересовали меня, а вот философия и менеджмент — скука смертная. Я старательно вела конспект и делала заинтересованный вид, но при этом отчаянно боролась со сном.

С трудом дождавшись последнего звонка, я выскочила из кабинета и тут же столкнулась с Полиной. Выглядела она чуть смелее, чем ночью, потому что была не одна, а с помощником. Рядом с ней стоял одноклассник, с которым она сидела за одной партой. Он смотрел на меня

в упор, и от его взгляда по спине побежал холодок. Но не от страха. От темных, почти черных глаз.

Я стояла напротив них, сжимая лямку рюкзака и ждала. Они молчали, и мне становилось скучно.

— Что надо? — не выдержала я.

— Еще раз тронешь мой телефон, я тебе волосы выдерну! — сказала Полина.

— Окей, допустим, я испугалась.

И снова тишина. Блондинка злилась, поглядывая на парня, а он не реагировал, стоял молча и выглядел абсолютно безразличным. Мне бы просто уйти от них, но старая привычка крикнула внутри, что сбежать нельзя. Уходя, ты показываешь свою трусость, и должен стоять до последнего. Даже если в тишине, даже если бьют. И я стояла, ждала, злилась, что они тратят мое время.

— Пошли? — наконец, ожил парень.

Полина, подняв подбородок, ушла первой. И ее гордость была такой нелепой, что я не удержалась и хмыкнула. Однорупник лишь взглянул на меня и тоже ушел, и только после этого я двинулась в тот самый 302 кабинет.

Возле кабинета, переминаясь с ноги на ногу, стояла Яна. Издалека я видела, как она нерешительно клала руку на ручку, но тут же одергивала. Это позабавило меня еще больше, чем гордая Полина, и я с упорством танка сама толкнула дверь.

В кабинете было несколько студентов, и все разом обернулись на нас, но быстро потеряли интерес. И правильно, что на нас глазеть — обычные студентки: я с гневным взглядом после встречи с тупой блондинкой, и Яна, робко стоящая позади меня. Да уж, ей бы таблетки для храбрости выпить, чтобы не превращаться в статую перед новыми людьми.

— Какая группа? — спросил парень возле учительского стола, и я хотела ответить, но слова застряли в горле.

Те же темные глаза, что пару минут назад смотрели на меня в коридоре, сейчас пристально уставились на нас.

— Третья, — пропищала Яна.

— Меня зовут Тимур, я главный движения. Берите анкету и заполняйте.

Мы с Яной взяли листочки, и я быстро вписала свои данные. Ничего особенного — фамилия и имя, номер группы, номер телефона и чем готовы заниматься. Я поставила везде галочки — мне плевать, я могу и огород бабуле вскопать, и собачий загон убрать. Лишь бы это отразилось в характеристике, а в опеке увидели, что я белая и пушистая. А чем заниматься нужно для этого — совершенно неважно. Тем более, после уборки грязных унитазов в детдоме меня не испугать никакой работой.

Тимур тихим, спокойным голосом рассказал про движение, обещал всех добавить в общий чат, а я не могла оторваться от его глаз. Что за ерунда? Он только что стоял с Полиной, а теперь здесь. Пока я плутала по коридору в поисках нужного кабинета, он добежал быстрее. Но где же тогда тупая блондинка? И почему он спросил про номер группы, если и так знает?

Я встряхнула головой, чтобы перестать думать о ерунде. Какая мне разница, чем они занимаются и вообще кто они. Мне нужно только показать себя примерным, старательным студентом, а как и с кем это будет достигнуто не имеет значения.

Тимур сказал еще пару напутственных фраз, и отпустил нас. Я вышла из кабинета первой, и быстро спустилась на первый этаж. Оставалось только одно дело — записаться в секцию баскетбола. Я уже представляла, как в суде куратор будет говорить, что я хорошо учусь, занимаюсь благотворительностью и участвую в соревнованиях. Красота! Такой точно отдадут брата под опеку. Жаль, в сутках всего 24 часа, я бы еще чем-нибудь занялась.

Походив по коридорам первого этажа, я нашла спортивный зал спустя долгих пятнадцать минут. Открыла дверь, сразу услышала стук мяча, скрип кроссовок и мужские голоса. В про-

сторном светлом зале парни в черной форме играли в баскетбол, и сначала я просто смотрела. Сразу нахлынули воспоминания: теплый мяч на ладонях, запах пота и резины, насквозь промокшая футболка. Я любила спорт, но в баскетбольную секцию попала случайно — меня позвал учитель физкультуры из-за высокого роста. А потом втянулась так, что к выпуску из детдома играла лучше пацанов, полностью отдавая себя игре.

Наконец, на меня обратили внимание, и от команды отделился один парень, объявив пятиминутный перерыв. Он быстро и бесшумно подбежал ко мне, а я открыла рот от удивления. На меня снова смотрели черные глаза под такими же черными ресницами, и это было уже совсем не смешно.

— Слушаю, — сказал он и вытер лицо подолом длинной футболки.

— Как ты это делаешь? — не удержалась я.

— Что? — удивился парень и упер руки в бока.

— Перемещаешься. Только что был в 302 кабинете, теперь здесь.

Непонимающий, удивленный взгляд парня застыл на моем лице, оценивая — адекватна ли я, что за чушь несу и вообще зачем пришла. А мне правда было интересно, почему за последние полчаса я трижды столкнулась с одним и тем же парнем, и где я его встречу еще в стенах института.

Когда до парня дошел смысл моего вопроса, а я уже хотела повторить, он пару раз моргнул, губы растянулись в улыбке, а потом засмеялся. Я не понимала, что здесь смешного, и только наблюдала за ним.

— Этой мой брат, Тимур, — со смешком пояснил он. — У меня еще один есть, он на первом курсе.

— Офигеть вы похожи, — честно сказала я.

— На самом деле, не очень. Только глазами. Но путают нас часто, потому что маленькая разница в возрасте.

— Ясно, — кивнула я. — Я пришла записаться в секцию баскетбола.

Парень сразу стал серьезным и, судя по выражению лица, готовился отказать мне.

— Я не против, и рост у тебя подходящий, но у нас девчонок нет. Если кто-нибудь еще придет, чтобы набрать группу...

— Зачем мне девчонки? — я перебила его. — Я могу и с пацанами заниматься.

Он с сомнением посмотрел на меня, и стало совсем обидно. В детдоме не разделяли по полу, и все занимались одинаково. А тут гендерные стереотипы — раз девчонка, значит, может только ногти красить и платья носить.

Я решительно скинула рюкзак, обошла парня и свистнула пацанам. Они обернулись на меня, и я подставила ладонь, показывая, что приму пас. Мяч тут же полетел ко мне в ладонь, и я, без особых усилий закинула трехочковый. Кто-то из наблюдающих присвистнул, и я с гордостью снова подхватила мяч у кольца.

— Давай один на один, — крикнула я.

Брат Тимура улыбнулся, подбежал ко мне и приказал парнями расступиться. Пацаны дружно прижались к стене, чтобы с интересом понаблюдать за игрой своего тренера и какой-то худой девчонки. Наверняка готовились посмеяться над моими жалкими попытками показать себя достойным соперником, но я была уверена в своих силах.

Тренер оказался хорошим игроком, хотя было видно, что жалеет меня, не выкладываясь по полной. Но я провела кучу времени в спортзале, и легко обходила его, отбирала мяч и закидывала в кольцо даже с большой дистанции.

— Ладно, — сказал он, перехватывая мяч у кольца. — Я вижу, неплохо играешь.

— Я пять лет играла в... — я осеклась. — В школе. И команда у нас была смешанная, так что никаких поблажек. Плакать из-за сломанного ногтя не буду.

— Как зовут тебя?

— Настя, — ответила я и отряхнула руки.

— Номер давай, Настя, скину расписание тренировок. Меня Матвей зовут.

Я продиктовала ему номер телефона, окинула взглядом парней из команды и на мгновение почувствовала себя снова в детдоме. Тот же яркий свет от больших окон под потолком, лавочки вдоль стен, разметка на полу. Только зал в детдоме был раза в три меньше, и не видел ремонта много лет. Перед глазами мелькали картинки, как я бегаю с мячом, как меня толкают парни, потому что там никто никого не жалеет. Там другие правила, и всем плевать — занимаешься ты пять лет или только пришел. Часто победа доставалась тому, кто более агрессивен и беспощаден, даже если жестко нарушались правила. Первое время я набивала кучу шишек, разбивала колени, зарабатывала растяжения и вывихи. А потом научилась группироваться при падении и в целом свыклась с мыслью, что спорт — это всегда физическая травма.

— Скину позже, — сказал Матвей и убрал телефон. — Приходи, посмотрим, как ты в команде работаешь.

И снова этот взгляд черных глаз, пробирающий до мурашек. Даже не понимаю — почему такая реакция, подумаешь, необычный цвет глаз. Но за этой темнотой словно скрывалось что-то загадочное и опасное. И хотя Матвей смотрел дружелюбно и заинтересованно, мне было неуютно.

Я по старой привычке хлопнула его по плечу и ушла из зала. Три брата с одинаковыми глазами, и с каждым придется взаимодействовать. От этого почему-то тревожилось внутри, чувство опасности не покидало меня, но я старалась оттолкнуть его. Ничего особенного: три похожих человека, учатся в одном институте, такое бывает. Меня это совершенно не касается, я должна думать только о своей цели, а не о парнях, которые просто будут нести какую-то функцию в моем плане.

— Матвей—

Я смотрел вслед уходящей девчонки, и, кажется, зависал слишком долго. Дверь уже как пару минут закрылась, а я еще смотрел. Странная какая-то эта Настя, и по плечу так ударила, как пацаны не бьют. Принимать в свою команду девчонку не очень хотелось — парни отвлекаться будут, думать не об игре. Но отказать не смог, и теперь придется слюни подтирать у всех, когда ее футболка задираться будет.

Остается надеяться, что пара тренировок, и она сама отвалится. Погоняю ее хорошенько по залу, и как бы не строила из себя крутого парня, все же она девчонка. Физиологию не обмануть, а я беспощадный капитан.

Я схватил мяч и кивнул пацанам, они сразу вернулись в игру, и уже через пару минут забылся визит странной девчонки с грустными глазами. Нам нужно подготовиться к соревнованиям, чтобы выйти в студенческую лигу региона. Парни почти готовы, тренировались все лето, осталось только победить парочку сильных команд.

После игры я принял душ, надел джинсы и черную футболку. Выпроводил парней и закрыл зал, а за дверью меня уже ждал старшенький. Тимур стоял возле окна, уткнувшись в телефон. А раз он был здесь, значит, есть работа.

— Пошли у общаги Марка подхватим, ехать надо, — сказал Тимур и кивнул в сторону двери.

Меня, собственно, никто не спрашивает — хочу я этого или нет. Быть средним вообще отстой: старшего любят за серьезность и взрослость, хотя он всего на год старше, младшего — за то, что он самый маленький. А я просто средний. Как мост между двумя островами, как запятая между словами. Вроде нужная штука, но и без нее можно обойтись.

Наш отец, крайне уважаемый человек, иногда даже забывает о том, что я есть. Типа: Тимуру машину, Марку деньги. Ах, да, есть же еще промежуточный, ну так уж и быть, тебе хороших отцовских люлей. Я клянусь, в детстве получал больше братьев, потому что дразнил младшего и дрался со старшим. Я всегда был самым шумным и активным, наш отец с непро-

бываемым спокойствием терпеть это во мне не мог. Матушка лишь вздыхала — Матвей пошел характером в дядю. Хотя никакого дяди у меня нет. И если бы не отцовские глаза, чем мы похожи с братьями, можно было подумать, что я от соседа.

И вот, если приходит задание от отца, то обязательно на телефон Тимура. Он же старший! Он вон какой серьезный, умный, спокойный. Настоящая отцовская гордость. Тимур даже выражение лица у отца копирует, так хочет быть похож на него.

Марк он другой. Он спокойный, но уж очень девочек любит и гулять. Избалованный, жуть, хотя разница в возрасте всего два года. Не занимается спортом, ест всякую ерунду, смотрит тоже ерунду.

Под свое мысленное ворчание я дошел в компании брата к общежитию. Почему нельзя было позвонить младшенькому, чтобы он к машине сам подошел? Или его на руках мы будем нести, чтобы, не дай бог, ножки не устали у малыша. Марку на дело и все остальное было глубоко плевать. Он стоял у женского корпуса в компании какой-то девчонки, которая уж слишком громко смеялась, закидывая голову назад. Да уж, приведи ты такую домой, отца схватит звуковой инфаркт.

Девчонка всячески пыталась флиртовать с Марком. Поправляла волосы, кончиками пальцев касалась плеча брата. А он стоял, как вкопанный. Руки в карманах джинсов, взгляд пустой и ни капли интереса. Смотрел то куда-то в сторону, то на девчонку. А она так старалась понравиться ему, что меня чуть не стошнило.

Не в силах выдержать эти сопли, я отвернулся, и мой взгляд уперся в Настю. Она медленно шла к общежитию в своих мыслях и, кажется, не замечала меня.

— Привет спортсменам, — сказал я с улыбкой, и она вздрогнула.

Она окинула взглядом меня, потом Тимура и Марка. Сравнивала, наверное. Но мы и правда не сильно похожи, если знать нас. Глаза, волосы одинаковые, а вот фигура у Тимура лучше — он плотнее. Марк вообще дохлик, но у него черты лица мягче, что-то от матери досталось.

— Здоровались вроде, — сказала она и снова посмотрела на Тимура. Еще бы, старшенький для девчонок как магнит со своими мускулами и грубыми скулами.

— Нет, ты влетела в зал и наехала, что я телепортируюсь по институту, — хмыкнул я.

Настя прищурилась, но губы слегка дрогнули в улыбке. И тут же снова стала серьезной, даже слишком. Прошла мимо, столкнулась с девчонкой взглядом и нырнула в общагу.

— Кто это? Лицо знакомое, — сказал Тимур позади меня.

— Пришла ко мне на баскетбол записываться. Судя по всему, у тебя она тоже была.

— Может быть, — протянул брат и крикнул: — Марк, твою за ногу, долго ждать тебя?

Младшенький тут же попрощался с девчонкой и подошел к нам под ее пристальный взгляд.

— Поехали, — рявкнул Тимур. — Нашел время!

Марк не отреагировал на выпады брата, и молча доплелся до машины, даже не помня выражение лица. Собственно, он вообще редко когда его меняет, сохраняя равнодушие в любой ситуации: будь то стрелка, свидание или дискотека.

Мы приехали в спальный район, поискали парковку возле девятиэтажного дома и остановились возле подъезда. Тимур вышел первым, мы с Марком выскочили следом. Старшенький разговаривал по телефону, а через пару минут держал ручку подъездной двери. Резко дернул ее и открыл без домофона. Мы молча поднялись на третий этаж и остались на лестнице.

Тимур позвонил в квартиру, щелкнул замок, и на площадку вышел мужик лет пятидесяти. Он вздрогнул, увидев здоровяка, и хотел уже сбежать, но старшенький не позволил, конечно. Схватил дверь и сделал шаг к мужику.

— Долг когда вернешь? — сказал Тимур. — Сроки вышли.

— Я... помню. В понедельник привезу, — испуганно залепетал мужик.

— В субботу и ни днем позже. Мы найдем тебя везде, так что не думай бежать. Понял?

— Понял, — кивнул мужик.

Тимур еще минуту сверлил мужика взглядом, пока тот сжимался рядом со здоровяком, а потом отпустил дверь. Как всегда, наша помощь не пригодилась, и зачем только старший таскает нас с собой? Я хотел задать этот логичный вопрос, но Тимур уже звонил и отчитывался отцу. Кто этот мужик и что он должен, нам, конечно, не скажут, мы с Марком чисто как приложение к брату. Как пугающий фактор. Я знал только одно — отец давал деньги в долг под большие проценты, а потом мы выступали в роли коллекторов для тех, кто отказывался выполнять условия сделки. Не особо приятная задача, но попробуй возразить отцу. Нас и так выкинули с квартиры и заставили жить в общежитии, а если будем сопротивляться, то и денег лишимся.

По дороге в общежитие Тимур купил пиво в банках, и без труда прошел мимо вахтерши — до безобразия вредной Елены Васильевны. И хотя мы все совершеннолетние, алкоголь был под строгим запретом, как и девчонки в нашем корпусе. Только Тимур мог пронести, что угодно, ему вообще много чего разрешалось, потому что он был главным не только в нашей семье, но и в этой общежитии.

Глава № 3

— Настя—

Ночью спалось крайне ужасно. Мне снился плачущий Павлик в тот день, когда я выпускалась из детдома. Он отчаянно цеплялся пальчиками за мои ноги, и рыдал так, что сбежались все воспитатели. Только во сне я сказала ему, что пошутила, и мы вместе уходим домой, а в жизни все было иначе. Пашку силой оторвали от моих ног и прогнали меня, сказав, что чем дольше мы прощаемся, тем хуже мальчику. И я ушла. Потому что мне исполнилось восемнадцать, и держать меня дольше никто не мог, конечно. Я и сама рвалась на свободу, но ради брата была готова остаться даже на десять лет — столько ему осталось до выпуска. Лишь бы быть с ним рядом.

Проснувшись резко, с бешеным сердцем и долгим осознанием, где нахожусь. Быстро окинула взглядом комнату и уткнулась в подушку, с силой прижимая ее к лицу. В ушах еще стоял плач Павлика, его крик в руках воспитателя и мольба не оставлять здесь. Я так и не смогла собрать себя после этого. Развалилась в той комнате на мелкие кусочки, и осталась такой же.

Я хочу приходить к брату каждый день, но знаю, что от этого только хуже нам обоим. Каждая встреча как лезвие по сердцу, его соленые слезы каплют на незаживающую рану, вызывая такую боль, что выть хочется.

Когда умерла мама, только Павлик удержал меня от падения в бездну. Еще не до конца осознавший, что произошло, он не отпускал мою руку несколько дней. Даже спал на руках у меня, боясь новой обстановки и людей. Совсем крошечный, он долго привыкал и сбегал из своей комнаты в мою. Его ругали, меня тоже, но по-другому справиться с горем он не мог.

Уснуть я больше не смогла, и с первыми лучами солнца ушла в столовую. Сделала себе скромный завтрак — хлеб и тонкий кусочек дешевой колбасы. Холодильник был забит продуктами других девчонок, и смотреть на чужие пакеты было до безумия тяжело. Сыр, масло, йогурт — я не могла себе позволить ничего из этого. Адвокат загнул такую сумму, что курьером мне придется работать несколько месяцев. А мне нужно запустить дело раньше, чтобы как можно быстрее забрать брата.

Невкусная колбаса встала поперек горла, и я пожалела, что вообще купила ее. Надо было обойтись только хлебом — до ужина этого вполне достаточно.

Я сидела за столом и пила кипяток из своего стакана. Наблюдала, как по стене ползет большой жирный таракан и завидовала ему — даже у него рацион явно лучше, чем у меня.

Но завидовать таракану пришлось не только в плане еды. На паре куратор сказал, что нам нужен общий фонд для покупки украшений, бумаги и прочей ерунды. Отвечать за сбор средств назначали третьего брата, как выяснилось, его зовут Филатов Марк. Уже на перемене в общей группе пришло сообщение о том, что нужно сдать деньги как можно быстрее, чтобы успеть купить подарки педагогам к дню учителю. И сумма была озвучена довольно большая для меня, равная двум сменам на работе.

И тут возникла дилемма. Как сирота, я не обязана сдавать деньги на все эти приблуды. Но для этого мне придется признаться группе, что я детдомовская. А это позор, как ни крути. И чтобы избежать ненужных разговоров в мою сторону, я перевела всю сумму. Что же, придется в выходные взять двойную смену. Это плата за то, чтобы быть как все. Меньше всего мне хотелось говорить правду: кто-то начнет жалеть, другие осуждать. И определенно кличка «сирота» не оставит меня до конца учебы.

В конце последней пары нас с Яной дернули в этот дурацкий фонд, куда я подписалась ходить. Собрали в том же кабинете, но пришли не все, кто был вчера. Я насчитала только десять человек вместе с нами и главным, а вчера было в два раза больше.

— В субботу у нас выездное мероприятие, — сказал Тимур. — Едем помогать семье делать ремонт. По времени рассчитываем часа на четыре. Кто сможет?

Даже не думала, что планы так быстро могут рушиться. Только две пары назад я хотела выйти на работу, как появляется задание. Меня накрыла безысходность — я должна успеть везде, но смогу ли? Может, к черту этот фонд, попробую и так обойтись? Но уже тянула руку и встречалась с черными глазами Тимура. Я не готова ждать лишний год, должна успеть везде и не заставлять страдать брата. В конце концов, можно поработать и до ночи. И тут же реальность накрывает меня с головой — в общагу я смогу попасть только до десяти, потом придется ночевать на улице.

— Пятеро, — добавил Тимур. — Больше нет желающих?

В ответ ему прозвучала тишина.

— Ехать далеко, могу четверых забрать от института, — сказал Тимур. — Кто поедет со мной?

И снова я протянула руку. Если есть возможность не тратить деньги на проезд, то почему бы и нет? Даже если придется оказаться с этими жуткими глазами в одной машине. Но радуется, что моя самоназванная подруга тоже протянула руку, выражая желание поехать на первое задание в машине с главным. Отлично, если Тимур окажется вампиром, скормлю ему Яну. Она меньше, толще и молчаливее.

— Скину информацию в группу. Если вопросов ко мне нет, можете идти.

У меня был только один вопрос: как родители смогли отксерокопировать ребенка? Или они размножаются почкованием? Очень было интересно, на самом деле, видеть настолько похожих людей, не являющихся близнецами. И я даже засмотрелась на Тимура, но чем больше я рассматривала его, тем больше видела различий с Матвеем. Хотя откуда мне помнить? Столкнись я с ними в коридоре, даже не различу. Единственная разница, которую я пока заметила — улыбка. Матвей улыбался, Тимур серьезный, как танк. Марк тоже хмурый и молчаливый, даже когда блондинка болтает без умолку.

Ребята начали уходить из кабинета, и мы с Яной тоже поднялись со стульев.

— Задержитесь, — сказал нам Тимур.

Он присел на учительский стол и скрестил руки на груди, останавливая нас одним взглядом. Мы спорить не стали, подошли ближе и остановились напротив Тимура.

— В десять ноль-ноль отъезжаем. Ни минутой позже. Терпеть не могу опозданий, так что постарайтесь быть вовремя. У главного входа будет стоять черная машина.

Это была не просьба, не уточнение, а приказ жестким, властным тоном, как у начальника. И смотрел он на нас так же — свысока, надменно, требуя полного подчинения. Даже директор в детдоме так не разговаривала с детьми, лишь некоторые воспитатели не уставали показывать нам наше место. Но некоторые дети этого действительно заслуживали — хамили, дрались, могли даже плюнуть в надзирателя. Только сейчас мы с дрожащей Яной не сделали ничего, чтобы на нас так смотреть и показывать свою власть.

— Сверим часы? А то вдруг у нас разное время? — хмыкнула я со злостью.

Тимур наградил меня таким жестким, колющим взглядом, что спина заледенела. Я выдержала его, еле удержавшись от того, чтобы скривить лицо. Неприятный тип, слишком холодный и грубый, и, хотя я сама была такой же, в других эти качества не выносила.

— С собой что-нибудь нужно взять? — сказала Яна, разрезая неловкую тишину.

— Одежду переодеться. Все остальное уже куплено. Можно перекус.

Я только хотела сказать, что четыре часа можно и без еды пережить, но захлопнула рот. Кажется, не лучшая идея дерзить главарю фонда, который мне будет писать характеристику. Наоборот, я должна быть милой, доброй и пушистой. От этой мысли возник рвотный рефлекс, и пришлось покашлять, отвернувшись от Тимура.

— Можно идти? — спросила я и посмотрела на часы. Уже началась тренировка, и мне бы уйти пару минут назад, чтобы успеть на разминку.

— Можно, — кивнул Тимур. — Не опаздывать!

— Да вроде не... — тупые, хотела сказать я, и снова заставила себя заткнуться. Господи, как же научиться нормально общаться с людьми!

Оставив Тимура додумывать конец фразы, я выбежала из кабинета и помчалась на тренировку.

— Матвей —

Тренировка шла уже десять минут, как распахнулась дверь в зал и влетела Настя. Пробубнила что-то про опоздание, не дала мне сказать ни слова, и сразу исчезла в раздевалке. В мужской, блин, раздевалке! Я со стоном неизбежности повернулся к парням, которые, конечно же, бросили разминку, чтобы понаблюдать за девчонкой. Как дикари, честное слово, устались, будто никогда девушек не видели.

— Продолжаем! — крикнул я, возвращая внимание к тренировке. — Бег вокруг зала.

Сколько там девчонкам надо на переодевание? Минут двадцать? Ну что же, я даже засек время, интересно стало. И только нажал на таймер, как Настя выскочила из раздевалки в длинных черных шортах и белой майке. Тут же пристроилась позади парней и побежала с ними. Я только наблюдал, как хвостик из темных волос болтается в разные стороны. Я думал, она не придет, поймет, что с парнями заниматься все же сложно, особенно в сформированной команде. Может, даже надеялся на это, потому что видеть девчонку среди своих пацанов было очень странно.

— Ускоряемся! — крикнул я.

Парни прибавили скорость, Настя тоже не отставала. Более того, на третьем круге пацаны уже вспотели и запыхались, а ей все равно. Она с грацией сайгака бежала легко и непринужденно, и уже на пятом круге начала обгонять парней. Я был удивлен, мягко говоря. Но хорошей выносливости все же не достаточно для хорошей игры в команде, и я уже продумывал новые испытания.

— Замедляемся и останавливаемся. Разминаем руки, ноги во время шага.

Настя шла первой, и делала все профессионально. Сразу видно, что со спортом она знакома, и знает, как правильно разогреть суставы перед нагрузкой. Но восхищаться было некогда — я же обещал загонять ее.

— Отжимания! — снова крикнул я.

Но и тут она меня удивила хорошей подготовкой. Да уж, я не ожидал, что девчонка будет заниматься наравне с парнями и даже лучше них. На лице Насти я не видел усталости, недовольства или желания убить меня. Ей нравилось заниматься, она выполняла команды легко, не обращая ни на кого внимания. С усердием отжалась, потом подтягивалась, и постояла в планке две минуты. Парни уже с мольбой о пощаде смотрели на меня, не согласные участвовать в этом издевательстве. Такой долгой разминки у нас еще не было, но хотят любоваться симпатичной мордашкой, пусть терпят и нагрузки. Мне же нужно посмотреть, на что способен мой новый игрок!

— Разбиваемся по парам и отрабатываем ведение и броски.

Все проигнорировали мою команду, и это начинало злить. Конечно, они хотели с девчонкой в паре встать, вот и замерли, как мертвецы. Пришлось самому разделить пацанов, а Настю забрать себе, потому что пары ей не досталось.

Мы отработали с ней нападение, ведение, броски и много раз повторили одно и то же. Она не жаловалась на усталость, передавала мяч с максимальной точностью, легко и высоко подпрыгивала, чтобы сделать бросок. Работала усердно и сосредоточенно, не отвлекаясь на других. Таких стараний я не видел ни у кого из команды, и медленно приходило осознание, что я был не прав.

Потом мы разбились на две команды и начали игру. И здесь возникла первая проблема — обычные кроссовки Насти скользили по полу, и она поскальзывалась. Прокатывалась несколько сантиметров, но удерживалась на ногах. Ей это не особо мешало, но меня отвлекало — не хотелось бы травм на тренировке. Вообще не понятно, если она долго занимается баскетболом, то должна знать, что нужны специальные кроссовки. Тренироваться в обычных кедах неудобно и опасно — и она наверняка в курсе этого.

Сначала парни играли осторожно, стараясь не толкать Настю, а потом разыгрались. И когда в очередной раз на нее налетели, она повалилась на пол, и я замер. Но девчонка даже не заметила этого — быстро перекатилась и вскочила, не жалуясь, не вздыхая, не хватаясь за ушибленные локти. Воспользовалась замешательством соперников и забросила мяч в корзину.

На перерыве парни ушли за водой в раздевалку, а Настя осталась на лавочке. Сидела уставшая, вытирая пот с лица, но я не увидел у нее бутылку. Мне показалось это странным — на тренировке нельзя без воды, особенно после игры. Хотелось бы мне сказать, что это не мое дело, но как капитан команды я нес ответственность за каждого игрока. И нет, это не жалость! Это точно не жалость, потому что у меня на поле все равны, даже если другого пола.

Я сел рядом с Настей и протянул бутылку. Она с удивлением посмотрела на меня, потом на воду, будто я ей отраву предлагаю. Брать не стала, сомневалась, хотя после такой активной работы на поле спортсменов должен умирать от жажды.

— Пей! — твердо сказал я. — Иначе играть не пушу больше. Нельзя не пить.

Она нехотя вырвала у меня бутылку, открутила крышку и посмотрела через горлышко, закрыв один глаз.

— Ты туда не плюнул? — спросила она.

— Чего? — удивился я. — Мне что, пять лет?

Она хмыкнула и припала к бутылке. Пила жадно, большими глотками, и вода стекала по подбородку. Я хотел не смотреть на это, но смотрел. И как пьет, слегка запрокинув голову, и как вода капает на майку. И как ее глаза бегают по залу, словно должен прийти кто-то или боится кого-то.

Она выпила все. Нет, мне не жалко, конечно, у меня в раздевалке еще есть вода, но можно же лопнуть. Даже я после часовой пробежки по жаре столько не пью, тем более, залпом.

— Вкусно, — сказала Настя, и я открыл рот. — Не то, что в общаге вода из-под крана со вкусом ржавчины.

— Вообще из-под крана воду не пьют.

— Почему? Она же питьевая.

— Ну... не знаю. С детства меня родители учили так.

Настя лишь кивнула и промолчала. Держала в руках бутылку, не сминая ее, и задумчиво смотрела перед собой.

— Тебе кроссы нормальные нужны, — сказал я и посмотрел на ее кеды. — В этих здесь как на коньках.

— Нормально.

— Травму получишь, — возразил я.

— Заживет, — ответила Настя и посмотрела на меня. — Нудеть у вас семейное? — и тут же добавила: — Я пошутила. Не обращай внимание.

Я вообще уже ничего не понимал, а хотел понять. Даже не знаю, зачем.

— Ты в какой школе училась? Где так хорошо тренируют?

— В первой, — не задумываясь, ответила Настя.

— В первой я учился, и у нас точно не тренировали девчонок, — засомневался я.

— Значит, во второй.

— Второй нет школы.

— О боже да какая разница? — вспыхнула она и подскочила с лавки. — Я тренироваться пришла, а не на глупые вопросы отвечать!

Она сунула мне в руки пустую бутылку, схватила мяч и убежала к кольцу. Тренировалась одна, а я молча наблюдал за ее стараниями, за тем, как ловко она бежит по залу. К ней присоединились парни, и вот уже она не одна, а я все еще наблюдал. В голове крутилось столько вопросов без ответов, что задымился мозг. И вот для чего мне это? О соревнованиях надо думать, а не о том, почему чужая мне девчонка ведет себя так странно.

Понимая, что пора бы продолжить тренировку, я поднялся со скамейки, обернулся и застыл на месте. Возле двери, наблюдая за игрой, стоял Тимур. Впервые старший брат показался здесь, и, проследив за его взглядом, я понял, на кого он смотрит.

Глава № 4

— Настя —

Уже под конец тренировки я ощущала каждую мышцу на теле, но мне это нравилось. Больше двух месяцев перерыва сказались на моей форме, но тело помнило ту боль, что приходила после нагрузки. Я любила эту боль — она помогала не думать, и быстрее засыпать. Она выгоняла все дурные мысли, злость, ненависть и желание убивать. А это очень важно, зная, что на соседней кровати глупо хихикает блондинка, с которой мы не ладили.

Я зашла в раздевалку за вещами, и пацаны тут же, не стовариваясь, посмотрели на меня.

— Парни, я не смотрю, возьму вещи и уйду, — сказала я, схватила свой рюкзак и быстро вышла.

Я не стала переодеваться — до общаги можно добежать и в шортах. После такой тренировки я срочно нуждалась в прохладном воздухе, пахнущем свежестью, а не потом и грязными носками.

— Насть, женская раздевалка чуть дальше, — сказал Матвей, едва я появилась с вещами.

— Мне и так нормально, — отмахнулась я. — Не переживай, смотреть на тусовку парней и свои показывать не собираюсь.

— И все же, — настаивал черноглазый брат и уже начинал бесить меня.

У него не было холодного взгляда, как у Тимура, а тон казался больше заботливым, чем командным. От Матвея не пахло властью и желанием доминировать, скорее, наоборот. Хотя он капитан и тренер, казался скорее старшим товарищем, а не начальником, как его брат. Но его настойчивость, желание указывать и учить жутко раздражали меня, как и жалость, с которой он протягивал бутылку.

— Слушай, ты гонял меня, как пацанов. А как раздевалка, так вспомнил, что я девчонка? Нет уж. Все должно быть честно — здесь я парень.

Он цокнул языком — ему явно это не по душе. Эти братья вообще умеют не командовать? Старший взбесил меня, теперь и этот. Как же хочется послать их всех к черту! Но тут же перед глазами возник образ грустного Павлика, и пришлось сдержаться, крепче сжав лямку рюкзака.

— Бывай, братан, — сказала я, копируя пацанов с детдома и хлопнула Матвея по плечу.

Он сначала секунду смотрел на меня, а потом начал смеяться, схватившись за плечо. Я даже замерла от неожиданности — и что такого случилось? И вообще он всю тренировку был злой и хмурый, и я уже подумала, что ошиблась в нем. Вчера он казался более приветливым и улыбочивым, а не как его братья.

— Ну бывай, БРАТАН! — передразнил Матвей, и я улыбнулась.

— Вы так не говорите, да? — поняла я.

— Не говорим, — смеялся Матвей. — Можно сказать удачи, пока, давай. И вообще бить меня прекращай, у меня от тебя синяки на теле.

— Окей, товарищ капитан, — сказала я с улыбкой.

Матвей схватил подол футболки и потянул вверх, чтобы вытереть лицо, а я, как дура, посмотрела на его пресс. Это само произошло, глаза машинально понеслись вниз, и я не смогла их остановить. Тут же одернула себя, но, похоже, он заметил, как и то, что краска хлынула к лицу.

— Я ушла, — буркнула я и сбежала из зала.

Прохладный воздух ударил в лицо, и стало немного легче. Подумаешь, посмотрела и что? Разве парням не интересно, какой пресс у других пацанов? Наверняка, интересно. Только мне вот не очень это нужно, но произошло как-то против воли. Надеюсь, он не подумает, что я его специально разглядывала или заинтересовалась им.

У меня никогда не было парня. Точнее, один раз я встречалась с мальчиком, но это было до детдома, в двенадцать лет. Походили мы за ручку пару недель и расстались, так и не поцеловавшись ни разу. В детдоме после одного случая я и вовсе отрекалась от того, чтобы строить с кем-то отношения. Все они одинаково грубые, наглые и пошлые. Мне даже не нравился никто, как противоположный пол. Были нормальные парни, но никогда не допускала мысли, чтобы встречаться с ними. Нет уж, отношения — это слабость, любовь для дураков, а у меня на это просто нет времени.

Да и кто будет встречаться с такой, как я? Внешность у меня самая посредственная, к красоткам точно не отношусь. Я грубая, жесткая и ненавижу людей. Я сирота, в конце концов, а это клеймо.

Я видела свое будущее только одним — заберу брата, оформлю опеку над ним и будем мы жить как семья. Сделаю все, чтобы он не чувствовал себя сиротой, чтобы у него была комфортная, полноценная жизнь. Такая, какую не видела я.

Павлик.... Мой милый братик, такой хрупкий и ранимый, он солнышко в моем темном мире. Не будь его, я бы не справилась. С самого рождения я любила его до безумия, хотя у нас десять лет разницы в возрасте. Мама всегда гордилась мной, хвалила и благодарила, что я помогала ей с воспитанием Пашки. Когда нас бросил отец, ей пришлось выйти на работу, и я сидела с братом днем и ночью.

К общежитию я подходила уже расстроенная, опустив голову. Как же я скучала по брату. Это не передать словами, как сжималось сердце при воспоминании о нем. Вся эта учеба, работа, попытки быть хорошей заберет у меня очень много времени, и я не смогу видаться с Пашкой. А он ждет. Я знала, что он всегда меня ждет.

В своей комнате я взяла чистые вещи, полотенце и мыло. Яна сидела на кровати и смотрела на меня грустными глазами, будто хотела что-то сказать. Я не стала спрашивать, мне, собственно, не интересно, и ушла в душ. Искупалась, попила воды из-под крана и фыркнула. Не пьет он из-под крана. Золотой мальчик, что скажешь. Если брат в свои сколько ему там лет уже на машине катается, наверняка у этой семьи есть деньги. И ему, конечно, не понять, каково это — выживать. Когда ты живешь в детдоме, можешь и из унитаза воды нахлебаться, если кому-то дорогу перешел.

Утолив голод водой, я вернулась в комнату и рухнула в кровать. Усталость валила с ног, и я уснула намного раньше привычного мне отбоя.

Утром я еле подняла руки и ноги с кровати — болело все. Мне стоило огромных усилий встать с кровати и дойти до столовой, чтобы позавтракать. От голода уже кружилась голова, и я была рада даже своей невкусной колбасе.

Но, открыв холодильник, я не нашла свой пакет. Не было ни хлеба, ни колбасы, ни даже просто пакета с именем. Я посмотрела на чужую еду, сглотнула слюну и закрыла холодильник. Ладно, не страшно, после пар куплю что-нибудь на те жалкие остатки денег, что у меня есть после сдачи в дурацкий фонд. Выяснить, кто выбросил мою еду, я не хотела, но догадывалась. Блондинка на меня зуб точит, кажется, такой поступок в ее духе.

Первую пару я высидела с огромным трудом. Болели не только мышцы, но и живот, скручиваясь от голода. На второй паре закружилась голова и подступила тошнота. Но я держалась. Куда было деваться?

Третья пара информатики началась уже как в тумане. Не было сил даже поднять ручку и сказать Яне, чтобы перестала смотреть на меня с жалостью. Она не рвалась со мной разговаривать, ничего не спрашивала, и вроде слегка побаивалась. Но все равно упорно садилась со мной за парту.

Учитель информатики дал выполнить тест, и начал распределять по парам, чтобы заняли компьютеры. Времени на это давалось много, но я ничего не хотела и не могла делать. Я хотела есть и спать. Хотела лечь, как медведь в берлогу, засунув лапу в рот.

Когда назвали мою фамилию, следом шла фамилия Марка. Мне было плевать, с кем меня поставили, я только надеялась, что он справится сам, и я не получу двойку. Мы с Марком заняли компьютер у стены, открыли тест и уставились в экран. Перед глазами все плыло, но он методично что-то нажимал, куда-то тыкал. А потом он достал пакет с печеньем. Совершенно непроизвольно я проследила взглядом за хрустящим пакетом, и чуть не подавилась слюной. Желудок скрутило так, что спазм прошелся до кончиков пальцев.

— Бери, — сказал Марк и подвинул пачку ко мне.

— Да я не... — голодная хотела сказать.

— Бери, бери, — настаивал он.

Странные какие-то эти братья. Один вчера водой поил, второй накормить решил. Понимая, что до конца пары я не доживу, нерешительно засунула руку в пакет, схватила печенье и засунула в рот. Стон удовольствия вырвался без моего желания. Печенье оказалось хрустящим, сладким, со вкусом ванили.

Марк посмотрел на меня с удивлением в черных глазах.

— Вкусное, — сказала я.

— Мама пекла, — ответил Марк. — Притащила нам с братьями целый тазик. Так что ешь, а то ты бледная какая-то.

Я взяла еще печенье и только сейчас поняла, что оно со вкусом домашнего тепла, материнской заботы. Мыслями я сразу унеслась на пять лет назад, на нашу кухню, где моя мама пекла пироги. Запах стоял по всей квартире, и мы с Павликом нетерпеливо ждали у духовки, поглядывая через стекло на пышную корочку. Потом стояли возле мамы и смотрели, как она с улыбкой достает горячий пирог из формы, перекладывает его на тарелку и делит на кусочки. Мы никогда не ждали, пока выпечка остынет, особенно я. Хватала маленький треугольник, дула на дымящуюся мякиш, отламывала кусочек и давала Пашке.

От воспоминаний голод стал еще сильнее, а нос начал улавливать фантомные запахи, будто я вернулась на мамину кухню. Туда, где было тепло, вкусно и безопасно.

Марк откинулся на спинку стула, и я посмотрела на его профиль. Вблизи действительно видно, что с Матвеем они не близнецы. Очень похожи, но у Марка более мягкое лицо. И абсолютно спокойное, равнодушное. Как у Тимура. Хотя нет, у него точно не равнодушное, а холодное. Привык командовать, быть главным и старшим.

В кабинет кто-то постучался, потом раздался голос, но я не оборачивалась. Мы с Марком пытались решить тест, и получалось это не очень. Видимо, он тоже не силен в информатике, как и я.

— В третьем ответ «д», в пятом «а», — раздался шепот за нашими спинами, и мы обернулись.

Позади нас стоял Матвей, и видеть его не в баскетбольной форме было непривычно. Белоснежная футболка и синие джинсы шли ему намного больше, чем черная майка и шорты.

— Ты что? — спросил Марк.

— Я не к тебе, братец. Насть, сегодня дополнительная тренировка, придешь? — спросил Матвей и подмигнул мне. — Или после вчерашнего отбой?

— Еще чего, — фыркнула я. — Я тебе слабачка что ли.

— Нет, братан, я такого не говорил, — улыбнулся Матвей.

— У меня формы нет.

— Я тебе дам нашу форму.

Оказывается, когда они рядом, перепутать их сложно. Матвей выглядит старше, и волосы у него лохматые, и улыбка какая-то особенная. Хотя про улыбку трудно сказать — Марк не улыбался вообще.

— Ладно, — выдохнула я. — Приду.

Матвей схватил печенку и забросил в рот под равнодушный взгляд Марка.

— Пробовала? Как тебе? — спросил Матвей, жуя печенье.

— Классное, особенно с голоду... — Вот почему иногда мой язык живет своей жизнью? Еще не хватало жаловаться на голод незнакомым людям, да и вообще кому-либо.

Понимая, что этот болтун выпытает у меня всю подноготную, я отвернулась и уставилась в экран. Взяла мышку и нажала ответы, которые назвал Матвей. Правильно или нет узнаем потом, но других вариантов нет.

Мы ответили на последние вопросы, и компьютер выдал результат — 8 из 10. Четверка! Хотела поблагодарить Марка за помощь и печенье, но слова застряли в горле. Я не умела говорить «спасибо», разучилась пять лет назад. В детдоме свои правила — если тебе помогают, то ты должен что-то сделать взамен. А если ты тупо говоришь «спасибо», это означает одно — помогать в ответ не собираешься.

В детдоме никто не помогает бескорыстно. Каждое действие имеет подтекст, и нужно сто раз подумать, прежде чем принять помощь. В реальной жизни, возможно, все по-другому, но старые привычки трудно искоренить. И, сидя рядом с Марком, я уже жалела, что приняла помощь. Потом он точно использует это против меня, заставит что-нибудь делать для него.

Едва прозвенел звонок, рядом с нами оказалась Полина. Ей не понравилось, что меня поставили с Марком, и, судя по гневному взгляду, она готовилась к удару.

— Марк, пойдем перекусим в столовой? — защebetала блондинка. — Насть, пойдешь с нами? А то я слышала, твою еду кто-то выбросил.

— От себя слышала? — спокойно отреагировала я.

— Ну ладно, — она махнула рукой. — Это я была. Но я случайно. Не поняла, что за бомжатский пакет в холодильнике. Подумала, что кто-то подкинул случайно еду для тараканов.

Я сильно сжала лямку рюкзака, чтобы не ответить и не влезть в драку. Всего один выплеск эмоций, и вся моя характеристика коту под хвост. А если блондинка еще и заявит на меня, то не видать мне брата, как своих ушей.

Но как же тяжело держаться! В детдоме я бы приложила эту дуру к стенке, а сейчас... Вынуждена терпеть и молчать. Вынуждена ждать, пока она потешит свое самолюбие и свалит первой. Ради Павлика. Все ради тебя, мой милый братик.

Тупая курица! Как же я ее ненавижу! Вся такая разукрашенная, в модной одежде, к пацанам липнет. Дура бестолковая!

У меня дрожали руки от злости, от ярости, что копится внутри. Я уже представляла, как хватаю блондинку за волосы и бью лбом о парту, она визжит, просит прощения, но я беспощадна.

Мне нужен был мяч. Нужен был бег, отжимания, что угодно, чтобы совладать с собой. И я ушла. Первый раз я пожертвовала своими принципами и просто ушла. За спиной раздался смех, ноги сами остановились, но я заставила их идти. Не сейчас. Придет время, и курица ответит за все.

Я сбегала по лестнице вниз и нырнула в спортивный зал. До тренировки осталась одна пара, но я не могла на нее идти. Гнев одолевал меня, и я схватила мяч.

Я бегала до того момента, пока не выдохлась. Не понимала, сколько прошло времени, потому что вокруг ничего не существовало. И только я остановилась сделать перерыв, как встретила взгляд холодных черных глаз. Тимур наблюдал за мной возле двери, и я поежилась.

— Ты почему не на паре? — крикнул он.

— А почему ты следишь за мной?

Я сильно сжала мяч и подошла ближе.

— Я не следил. Пришел напомнить про поездку, а тебя не оказалось на уроке.

— Мог в группу написать, — сомневалась я.

— Завтра в десять...

— Ноль-ноль, я помню. Ни секундой позже.

Я выдержала этот колючий, ледяной взгляд исподлобья. Все братья казались мне странными, но от старшего веяло еще и опасностью. Привычка доминировать была видна невооруженным глазом, но со мной этот фокус не прокатит.

Тимур определенно другой и с Матвеем они не похожи. Одетый в черную рубашку и черные джинсы, он больше походил на бандита из боевика, чем на студента. Еще и благотворительностью занимается — ему эта роль совершенно не подходит. Таким взглядом только правду из людей выбивать, а не помощь оказывать.

— Иди, тренируйся, — разрешил Тимур.

Я не стала спорить или что-то говорить, и сразу убежала к кольцу. Тренироваться под чужим взглядом оказалось сложно, плюс сказывалась усталость. И голод никуда не делся — две маленькие печеньки, хоть и немного расправили мой сжавшийся желудок, но организм требовал нормальной еды.

Только выбора у меня не было. Нагрузка помогла вывести гнев, и уже почти прошла ненависть к белобрысой курице. Но отомстить все же хотелось, только я знала — у меня на это нет ни времени, ни сил. И прав тоже — любой конфликт в стенах института может обернуться против меня.

— Матвей —

Я убежал с пары на десять минут раньше остальных — такая привилегия у капитана местной баскетбольной команды. Еще бы! Мы представляем институт на разных соревнованиях, и всегда показываем хорошие результаты. И за это я прошу всего лишь десять минут на последней паре, чтобы подготовить зал, спокойно переодеться и размяться.

Я люблю спорт. Баскетболом начал заниматься еще в восьмом классе, когда родителям было плевать, что я делаю после уроков. Они думали, что при поступлении в институт мое увлечение останется в школьном спортзале, но нет. Я не только продолжил, но и собрал собственную команду.

В голове звучали слова отца: «Спорт — это не серьезно!». Но моему увлечению противиться почти перестал. В конце концов, у каждого из нас есть страсть к чему-то: у Тимура к деньгам, у Марка к девочкам, а у меня к спорту. Я словно попадаю в другой мир — туда, где я могу что-то контролировать, быть главным и заметным. Обожаю вкус победы, потому что он дает мне увидеть себя настоящего: не тень отца и старшего брата, а себя. Того, кем я сам себя сделал.

Я распахнул дверь спортзала и сначала увидел Настю возле кольца. Потом заметил Тимура возле стенки, наблюдающего за игрой.

— С каких пор старшенький интересуется спортом? — фыркнул я.

— Не нравится она мне, — брат кивнул в сторону Насти. — Слишком ее много.

— Это как?

— Учится с Марком, записалась ко мне в движение, к тебе на баскетбол. Странно это.

— И что ты хочешь сказать? — удивился я.

— У отца слишком много врагов. Кто знает, на кого она работает.

— Да ну бред какой-то. — Я покачал головой. — Обычная девочка.

— Следить за ней надо. И отца предупредить. Если вынюхивает что-то, будем готовы.

Тимур говорил, как всегда, тихим, спокойным голосом, но именно в этой тишине скрывалось самое опасное. Я посмотрел на Настю, задумался о словах брата и не согласился с ним. Но говорить этого вслух не стал — кому интересно мое мнение? Ответ был однозначный — никому. Ни брату, ни отцу, ни даже матери, которая в принципе не вмешается в наши дела.

— Попробуй разговорить ее, разузнать, — сказал Тимур, поглядывая на Настю.

— Почему я?!

— Ты самый болтливый потому что! — Тимур сверкнул глазами. — А мне некогда с ней возиться.

— Как же, — фыркнул я. — Поэтому уже второй раз тусуешься здесь.

— Ты меня услышал, Матвей. Сделай хоть что-то полезное для семьи, а не только мяч гоняй.

Я развернулся к брату всем корпусом. Как же меня бесило это! Никогда я не видел от семьи поддержки в своем увлечении спортом. Только упрекают, что я бизнес отца и работу на него готов променять на баскетбол. Да, я готов! Потому что здесь, на этом поле, живет моя душа, а каждая игра напоминает мне о том, что я живой, а не робот, как Тимур.

— А Марк? Он много чего полезного делает? — злился я.

— А Марк может только через одно место узнать! И то, насколько я знаю, он даже после этого не особо разговаривает.

Как же! Он же младшенький, ему вообще ничего делать не полагается. Так, для красоты его родили, потому что мама девочку хотела. Вот и растят его, как принцессу, осталось только в платье наряжать.

Я развернулся и быстрым шагом удалился от Тимура. Делать мне больше нечего, как чужие тайны выпытывать. Сначала они критикуют меня за шум, а потом требуют использовать мою любовь к общению.

— Насть, за формой пошли! — крикнул я, еще пытаюсь успокоиться.

Настя бросила мяч, посмотрела в сторону двери на Тимура и двинулась за мной в раздевалку. Нормальная девчонка, и зачем ей что-то вынюхивать? Странная, да, но все мы со своими особенностями, что же поделать. Любит спорт, в группу Марка попала случайно, а к старшенькому пришла добровольно, потому что помогать любит. Вот и все объяснение.

Я достал из шкафчика чистую, новую форму и кроссовки. Форма была запасная, а кроссовки пришлось купить, и я очень надеялся, что угадал с размером.

— Ааа... — протянула она, увидев кроссы.

— Ага, — кивнул я. — Запасные лежат, вдруг кто забудет.

— Они же новые, — спорила она.

— Еще никто не забывал свои.

— Но...

— Настя, ты тренироваться пришла или вопросы задавать? — я повернулся к ней, отбив ее же подачу.

Настя пристально посмотрела на меня, слегка наклонив голову вбок, пытаюсь спросить что-то еще. Наверное то, почему у нас есть запасные кроссы женского размера. Но и на этот вопрос я приготовил ответ — раньше в команде был невысокий парень, и обувь как раз его размера. Конечно, никакого парня не было, но зачем ей знать? Я хочу, чтобы на моих тренировках все было правильно и безопасно, даже если для этого придется покупать обувь каждому новичку. Будь она бездарем, конечно, на такой шаг я бы не пошел, но Настя хороший игрок, и вроде настроена серьезно.

Настя перестала сверлить меня взглядом, положила форму на лавочку, помыла руки в раковине и попила воду из-под крана.

— Фу, да не пей ты ее! Возьми с подоконника бутылку!

— Здесь вкуснее, чем в общаге. Холодненькая. — Она вытерла рот рукой и показала пальцем на кран. — Попробуй.

— Ну нет... — сопротивлялся я, уже представляя этот вкус.

— Не любишь рисковать? Привык жить по правилам? — Настя хмыкнула и бросила мне вызов.

Мне не нужно повторять дважды. Я открыл кран и хлебнул воды. Она и правда оказалась холодной и жутко противной.

— Фу, как будто хлорки поел, — сморщился я.

— Неженка, — фыркнула Настя и улыбнулась.

— Иди давай одевайся, сейчас парни придут и займут свою мужскую раздевалку, — обиделся я.

Она снова схватила форму и подошла к открытому шкафчику, откуда выглядывал ее черный рюкзак. Быстро стащила кеды и обернулась на меня.

— Ну? Отвернулся бы хоть. Или вы парни всегда друг друга разглядываете, когда переодеваетесь?

Блин, кажется, мне стало неловко. И что это я правда застыл, как истукан? Я взял свои вещи и молча вышел в зал встречать пацанов.

В этот день я переодевался в женской раздевалке. Надеюсь, это останется нашей общей тайной.

Кроссовки оказались великоваты, но Настя ту же затянула шнурки и не жаловалась. Главное — перестала скользить по полу, и я мог уже меньше переживать за травмы на своей территории.

Разминка прошла бодро и весело, но к началу игры что-то пошло не так. Настя была не собрана, постоянно ошибалась и, казалось, сейчас рухнет на пол без сил. Передачи были слабыми, неуверенными, и мне пришлось посадить ее на лавочку. Конечно, она сопротивлялась и даже матом на меня выругалась, послала так, что уши захлопнулись. Я таких слов не слышал никогда, но, судя по тону, идти мне нужно было в очень неприличное место. Но, несмотря на ее протесты, до перерыва я оставил ее отдыхать, иначе без травмы точно не обошлось бы. Она села на лавочку, скрестила руки и прожигала меня таким ненавистным взглядом, что я сам начал спотыкаться.

Я мог не звать Настю на дополнительную тренировку — на соревнования она все равно не попадет, но почему-то поступил так, как поступил. Мои действия редко поддаются логике, поэтому я просто перестал думать об этом.

На перерыве взял две бутылки воды, и одну протянул Насте. Она еще злилась, что-то буркнула в мою сторону, но на меня это не действует. Я положил бутылку ей на ноги, и сел рядом.

— Болееешь? Устала? Что с тобой? — спросил я.

— Все нормально со мной, — огрызнулась она.

— Нечего на меня дуться. Я обязан вывести игрока, если он на грани обморока.

— Я не дуюсь, — буркнула Настя и схватилась за живот.

Но тут же выпрямилась, делая вид, что ничего не произошло. Схватила бутылку, быстро открыла крышку и припала к горлышку. Жадно выпила всю воду, снова удивляя меня.

— Рассказывай, в чем дело? Что-то болит?

Она раздраженно застонала и посмотрела на меня. И я увидел. Бледное лицо, погасшие голубые глаза, грустный взгляд. Вспомнил про печенье, про то, сколько воды она пьет и осознание пришло мгновенно. Она голодная! Но почему? Нет денег?

— Ничего не болит! Хватит! — ругалась Настя.

Но я уже не мог отвести взгляд от бледного лица, быстро придумывая решение. Она голодная — в этом не было сомнений, и я хотел помочь. Как тренер, как капитан, как мужчина.

— Парни, без меня тренируйтесь пока, — крикнул я и повернулся к Насте: — Идем.

— Куда? Только не говори, что в медпункт!

— Нет! Просто идем и все.

Она нехотя поднялась и поплелась за мной, и каждый шаг давался ей с трудом. Какой же она шпион? Несчастная девчонка, зарытая в броню по какой-то причине. Но сейчас это было неважно.

В столовой я усадил Настю за стол. Пришлось применить силу, потому что она упертая, как баран. Заказал комплексный обед и чашку кофе для себя.

Когда на подносе принесли еду, взгляд Насти непроизвольно опустился вниз, но тут же она взяла себя в руки и посмотрела на меня.

— Ешь, — сказал я.

— Не буду, — заворчала она. — Что вообще происходит?!

— Когда тренер говорит есть, надо есть. Скажет спать, ты пойдешь спать. Хочешь заниматься в моей команде? Привыкай к правилам.

— Нет таких правил, — фыркнула она.

— А теперь будут, — кивнул я и отпил кофе. — Давай, пока не остыло.

Настя сначала нерешительно взяла ложку, и я думал, что она кинет ее в меня. А потом и тарелку кинет. И вообще разозлится, накричит, убежит. Но я успел только один раз моргнуть, как ее тарелки опустели. Она умяла так быстро, будто за ней кто-то гнался. Я даже глянул под стол — вдруг вылила все на пол.

— Лучше стало? — спросил я.

— Да, — выдохнул она. — Я... Ты...

— Но теперь тебе нельзя тренироваться, — хмыкнул я, избавляя ее от неловкости. Наверное, она хотела поблагодарить, но мне не нужна была ее благодарность. Видеть порозовевшие щеки и улыбающиеся глаза — лучшая награда. — На полный желудок не занимаются.

— Ты издеваешься, да?

— Нет. Но мы сегодня к соревнованиям готовимся. Сама понимаешь, я не могу тебя взять, там команды чисто мужские.

— А прийти поболеть можно? — тихо спросила она.

— Да, игра будет здесь, в институте.

— Если вы победите, мне грамота полагается? Я ж в команде, — улыбнулась Настя.

Я поставил кружку на поднос и с удивлением посмотрел на нее.

— Тебе грамота нужна?

— Нет! — резко спохватилась она. — Я шучу! Боже, почему ты все воспринимаешь буквально? Не превращайся в своих хмурых братьев!

— Что? — я удивился еще больше.

— Ну они такие серьезные, задумчивые.

— За это их больше любят родители, чем меня, — честно сказал я с грустной улыбкой.

— А я, думала, наоборот. Ты любимчик.

— Почему?

— Ты же живой, настоящий. А в жизни и так полно серости, чтобы эту серость на лице носить.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел в грустные глаза напротив. Неужели мне сказали, что я лучше братьев? Или мне показалось?

— Кажется, я начала болтать много лишнего, — спохватилась Настя и поднялась. — Я пойду в общагу, окей? Мне завтра еще с твоим братом на задание ехать.

— На какое задание? — медленно произнес я.

— Обои клеить. Все, я убежала, — сказала она и остановилась рядом со мной. — Матвей... В общем... Увидимся, короче.

И убежала, не дав мне ничего сказать. Я бы многое хотел и сказать, и спросить. И вообще испытывал странное желание пообщаться с ней, узнать получше. Как будто Настя мне... нравится? Это вот вообще не вовремя, когда на носу важные игры, и думать я должен только о подготовке команды, а не о девчонках.

Я отмахнулся от собственных мыслей: нет, это просто жалость, желание помочь бедной девушке. Она всячески отказывается от помощи и делает вид, что все в порядке. Но глаза кричат об обратном, и это такая интересная загадка, что безумно хочется разгадать.

Глава № 5

— Настя —

Одна из миллиона причин, по которым я ненавидела детдом — дележка комнаты с другими. До смерти матери у нас с Павликом были разные спальни, и я жила одна в своем личном пространстве. Первое время в детдоме было жутко тяжело привыкнуть к мысли, что мне нужно прятать свои вещи, но пару казусов быстро выработали во мне эту привычку.

Так осталось и сейчас, после заселения в общагу. Но я не учла одного — со мной живет мегера. И как только я зашла в комнату, увидела, что на моей кровати лежат порезанные джинсы. Это больше не брюки, это полоски на поясе, и один грустный факт — у меня больше нет запасных штанов. Сначала я просто смотрела на это, потом на пустую кровать Полины. Яны тоже не было в комнате, но догадаться, кто такой смелый, стало нетрудно.

Я сделала несколько глубоких вдохов, как меня учил психолог, когда пытался помочь мне с агрессией. Представила что-то приятное: брата, маму, свою квартиру. Потом фантазия понесла меня дальше, и я уже тащила блондинку за волосы лицом по асфальту. И вот моя агрессия, которую я подавила на трехчасовой тренировке, снова со мной.

Когда открылась дверь в комнату, я еле сдержалась, чтобы не бросится, как коршун. Увидела Яну, она увидела мое красное от гнева лицо.

— Где эта мразь? — прошипела я.

— Я... видела ее у мужского корпуса... она с Марком там... — заикаясь, сказала Яна, боясь попасться под горячую руку.

Я села на кровать в попытках успокоиться. На телефоне открыла фотографии моего милого Павлика. Полистала галерею, улыбаясь на его улыбки и веселое лицо. Вспомнила, как мы играли с ним в детской, как я учила его читать. Как он весело смеется и забавно целует в щеку, делая это громко и выразительно. Мой братик... Моя любовь и боль одновременно. Прости меня.

Это было невозможно сдерживать внутри себя. Я пыталась запереть ярость в клетку, закрыть ее как дикого зверя и посадить на цепь. Я боролась сама с собой, но чертова блондинка не оставила мне выбора. Она специально злит меня, проверяет мою выдержку и способность к самоконтролю. Только она не знает, что нет у меня никакой выдержки и самоконтроля. Я все утратила в тот момент, когда умерла мама и я перешагнула порог детдома. Там я тоже пыталась быть хорошей первое время, но быстро усвоила урок, что хороший равно слабый и побитый.

Полине повезло, что ее нет в комнате, и у меня было время остыть. Совсем капельку сбавить градус своей ярости, но этот градус мог стать решающим. Попадись она на глаза сейчас, я бы... я бы много чего сделала, наплевав на последствия.

Я вышла на улицу, пытаюсь держать себя в руках. Это было невыносимо сложно, внутри все бурлило, как раскаленная лава. Я искала блондинку. Я искала выход своей ярости. Руки тряслись от гнева, лицо охватило жаром, будто я попала в ад. Так оно и было — я загнала себя в самое пекло, в самый горячий котел, и, если ярость не уйдет, сгорю заживо.

И я нашла ее. Она стояла возле мужского корпуса рядом с Марком и мило улыбалась, стерва. Вокруг все исчезло, все перестали существовать, кроме одной блондинки. Я видела ее так четко, каждое ее движение, слышала каждый звук, какой она выдавливала из себя. И прибавила шаг.

Кровь гудела в ушах, меня кто-то позвал, но мне было плевать. Я видела цель, и я шла к ней широкими, быстрыми шагами, уже сжимая кулаки до хруста суставов.

Полина заметила меня издалека, наверное, почувствовала по жару от моего тела. Заметила она и мой взгляд, и ее тупые глаза сразу изобразили испуг. Она спряталась за Марком, но меня это не остановило. Я оттолкнула его и схватила мерзавку за кофту. Заставила отступить

назад и со всей силой прижала к кирпичной стене общаги. Она вздрогнула, глаза распахнулись от страха, и я наслаждалась этим. Да, пусть боится, пусть дрожит рядом со мной и просит пощады, а я сделаю вид, что думаю, а потом врежу кулаком по ее разукрашенному лицу.

— Ты сука... — прошипела я и добавила кучу мата. — Я убью тебя, тварь.

— Эй, что случилось? — влез Марк, пытаюсь остановить меня.

— Не лезь, ...! — крикнула я, не стесняясь в выражениях, и он отшатнулся.

— Ты сейчас будешь у меня землю жрать, падла!

Ее испуганные глаза распахнулись так широко, что чуть не лопнули. Она сжалась в моих руках и пыталась что-то пропищать. И я замахнулась, сжав руку в кулак. Как же я хотела влить ей по морде, как хотела разбить нос и губу!

Но мою руку остановили. Я дернулась, но не смогла справиться. И тут меня оттащили от блондинки, заставив отпустить ее. Нагло, уверенно, сильно.

— Успокойся, — раздался над ухом тихий, но твердый голос.

Я даже не знала, кто меня держит, мне было плевать. Я видела только Полину и ее страх. Она боялась. Она дрожала.

— Что ты сделала? — Марк повернулся к Полине.

— Да ничего я не сделала, пошутила просто! — взвизгнула блондинка. — Подумаешь, пусть мама новые штаны купит!

— Ты чокнутая, — выдохнул Марк.

Ее слова ударили меня так сильно, что я перестала дышать. Мама... купит... Мама никогда мне ничего не купит! И я вздрогнула. Ярость сменилась отчаянием и болью. Она не купит... Мамы нет больше и не будет... Мама даже не знает, во что я превратилась, кем я стала после ее смерти. Не знает, что больше нет той легкой, веселой девчонки, какой я была раньше. Теперь я — комок боли, гнева и ярости. Во мне не осталось ничего человеческого, кроме любви к брату.

Я сделала глубокий вдох, останавливая подступающие слезы. Слишком много свидетелей для моей слабости, я не могла себе этого позволить. Не могла дать еще один способ давления на меня и унижения. Реальность начала медленно наступать на меня, и я почувствовала чужую руку на грудной клетке, тепло чужого тела за спиной и чье-то сердце. Кто-то прижимал меня к себе, пытаюсь удержать от драки. Я дернула его руку, но он не поддался. Слишком сильная хватка, с которой мне не справиться.

— Отпусти, и я уйду, — сквозь зубы сказала я.

— Точно? — раздался голос, и я узнала его.

— Точно, Тимур. Отпусти.

Он медленно разжал руку, и я сразу шагнула вперед. Полина в испуге дернулась, но я не собиралась к ней подходить. Она не просто унизила меня, она сделала мне больно. Ударила в самое уязвимое место, и за это я могла растоптать ее прямо здесь, но больше не хотела. Я хотела только убежать и спрятаться, как я делала всегда, когда мне больно и страшно.

Я быстро взглянула в темные глаза позади себя и собралась бежать отсюда. Но тут же увидела Матвея, стоящего совсем рядом. Он смотрел с беспокойством и жалостью, и это сделало только хуже.

Не глядя на братьев и тупую блондинку, я зашагала прочь.

— Насть, подожди! — Матвей попытался остановить меня.

— Отвали, Матвей! — рявкнула я и сделала еще несколько шагов.

Я была противна сама себе. Я ненавидела эту жизнь и себя я тоже ненавидела. Потому что не умела просить и принимать помощь, потому что всегда пыталась справиться в одиночестве. И никогда у меня это не получалось.

И я остановилась. Пару секунд помешкала и обернулась.

— У тебя есть мяч? — спросила я.

— В институте можно взять, — сказал Матвей и подошел ближе.

— Поиграешь со мной?

— Идем.

Он не брал меня под руку, не толкал в спину. Матвей просто шел рядом, пока я давилась слезами. Пока пыталась успокоиться, до боли кусая губы. Я не хотела, чтобы меня видели такой: слабой, болеющей, униженной. Я не могла показать свою слабость, потому что меня гарантированно растопчут после этого. Но мне жутко хотелось реветь в голос, надрывая горло. Так сильно, что болело в груди.

Детдом не сделал меня сильной. Он научил прятать свою слабость.

Я осталась на уличной площадке дожидаться Матвея с мячом. Уткнулась взглядом в землю и считала про себя до ста. Потом в обратном порядке. И каждое число запечатывало слезы назад, закрывало их в тот бункер, что был специально приготовлен для всех моих уязвимостей.

Я давно не плакала. Так, чтобы по-настоящему выплеснуть все эмоции. Могла позволить лишь пару слезинок на встрече с братом, но быстро успокаивалась. И эта чаша уже давно переполнена, готовясь взорваться в любой момент. Но для этого мне нужно было место и одиночество, где бы я смогла порыдать, покричать и опустошить себя.

— Играем или просто покидаем? — спросил Матвей, выдергивая меня из мыслей.

— Играем, — выдохнула я и тут же заняла позицию на поле.

Мы бегали по полю, и прохладный ветер остужал разгоряченную кожу. Я выплескивала злость на мяч, стараясь загонять себя. Но легче не становилось, потому что Матвей жалел меня. Я чувствовала его жалость и то, как он аккуратно отбирает мяч. Это была не игра. Не та игра, какая была нужна мне для моей ярости. Это была жалкая попытка успокоить меня физической нагрузкой, но злила еще больше. Я толкалась, я показывала, что готова к настоящей игре, а он не реагировал. Удерживал от падения, не сопротивлялся моим порывам и был настолько аккуратным, что хотелось пнуть его, чтобы расшевелить.

И я сдалась. Бросила мяч, подошла к Матвею и схватила его за ворот футболки.

— Не надо меня жалеть, — прошипела я. — Только не ты, Матвей, и не сейчас! Если ты хочешь мне помочь, увидь во мне равного противника, а не жалкую девчонку.

— Насть... — попытался сопротивляться он.

— Либо ты играешь по-настоящему, либо проваливай! Мне не нужна твоя жалость!

Я смотрела в его глаза и тяжело дышала, пытаюсь докричаться. Пытаясь дать ему понять, что только через силу и боль я могу почувствовать себя живой. Готова падать, разбивать руки и колени, но это единственный способ справиться с собой, со своей агрессией. Я знала, что мне нужно сейчас, знала, как подавить гнев и вернуть себе человеческий облик.

Матвей кивнул. Я разжала пальцы и отпустила его футболку — испачканную и помятую от моих рук. И мы начали играть. По-настоящему, на равных. Он, конечно, был сильнее физически и обходил меня по очкам, но мы играли без жалости. Толкались, я падала, валялась в пыли, сдирала кожу на ладонях, но вставала и продолжала. Это была не просто игра. Это был бой моей ярости с равным противником. Гнев, ненависть боролись с силой и ловкостью Матвея. А я пробуждалась. Я чувствовала каждую царапину, каждую ссадину и синяк на ногах. И мне это нравилось. Матвей был безжалостен и методичен, он заставлял меня не просто бегать по полю, а думать, предугадывать его шаги. Заставлял прыгать так высоко, как я не прыгала никогда.

Я чувствовала себя сильной. Чувствовала, что могу встать даже после падения. И каждое падение делало меня только сильнее. Было больно, но не обидно, даже от мысли, что я проигрываю по очкам.

Матвей устал, но не останавливался, потому что во мне еще бил адреналин, и было столько сил, что, казалось, хватит на всю ночь. Молча, без слов, мы бегали по полю, кидали

мяч в кольца, и такая поддержка была лучше любых слов. И я была благодарна ему: и за то, что рядом, и за выход моей агрессии.

Наконец, силы покинули меня, я выставила ладонь и упала на лавочку. Сердце бешено стучалось в ребра, свело дыхание, и я жадно хватала воздух ртом. Словно волшебник, Матвей вытащил бутылку воды из рюкзака и протянул мне.

— Пару глотков, больше нельзя, а то стошнит, — сказал он, отпивая из другой бутылки.

Я открутила крышку и готова была выпить все, чтобы смочить пересохшее горло. И уже сделала два глотка, но остановилась.

— Отдышись и можно пить, сколько хочешь.

Я кивнула и вытерла грязное, потное лицо рукой. На улице уже стемнело, и только одинокий фонарь во дворе института слабо освещал площадку. Внутри меня была нечеловеческая усталость и странное спокойствие. В этой вечерней тишине было намного больше, чем во всей моей жизни.

— Я не буду ничего спрашивать. Просто знай, что, когда решишься и захочешь, я всегда готов с тобой поговорить. Или просто выслушать, — тихо сказал Матвей, смотря перед собой.

Я хмыкнула и попила еще воды.

— В друзья набиваешься?

— Не обязательно для этого быть другом. Достаточно уметь слушать, — сказал Матвей и повернулся ко мне.

— Знаешь, когда человек становится тебе врагом? Когда ты раскрываешься перед ним. Когда показываешь свои слабости и боль. С этих пор он имеет на тебя рычаг давления, и ты всегда, каждую минуту будешь ждать удара в спину. Ты будешь бояться сказать что-то не так, бояться обидеть его. Потому что рано или поздно твоя слабость обернется против тебя.

— Не все же люди такие, — возразил Матвей.

— Вот у тебя есть человек, которому ты запросто можешь рассказать, где у тебя болит? Не побоясь осуждений, и того, что это используют против тебя? Может, с братьями ты откровенен?

— Нет, — честно сказал он. — У меня таких людей нет. Но я бы хотел, чтобы были.

— Никому не нужны чужие проблемы, Матвей! Люди никогда ничего не делают просто так, только с личной выгодой.

Он нахмурился, отвернулся и, кажется, его обидели мои слова.

— Поэтому ты отказываешься от помощи? Боишься, что тебя вгонят в долги?

— Я не боюсь, я знаю, — тихо ответила я. — Вопрос времени.

— И ты не думаешь, что может быть иначе? Бескорыстная помощь, например?

— Не может. Мир так устроен, что каждый сам за себя.

— Хорошо. — Матвей снова повернулся ко мне. — Если сейчас я попрошу у тебя помощи, что ты потребуешь взамен?

— Ничего, — тихо ответила я.

— Почему?

— Блин, Матвей, это сложно объяснить! Вот ты придешь ко мне и попросишь что-то сделать. Я это сделаю. И буду знать, что могу к тебе обратиться за помощью. Когда придет время, я обращусь, и если ты мне откажешь, больше помогать не буду. Но это работает только в мою сторону! Когда я прошу и принимаю помощь, я будто беру деньги в долг. Знаю, что должна отдать!

— Это называется взаимовыручка. На ней строится дружба. Если помогаешь только ты, а тебе нет, то это игра в одни ворота. Это не дружба, это потребительские отношения. Но не должно быть так, что на каждую помощь ответка. Ты можешь обратиться ко мне сотню раз, а я — один. Главное, не количество, а то, что человек готов помочь, если это в его силах и возможностях.

Мы говорили на разных языках. Выросшие в разных мирах, мы не понимали друг друга. Как он мог понять, имея двух братьев, которые за него голову оторвут любому? У него есть тыл, а у меня... у меня ничего этого нет. Я училась выживать в системе, где своя иерархия, свои правила. Детдом — это совершенно другой мир, где действуют законы, написанные детьми. И прожив там несколько лет, ты понимаешь, что везде так. Я плохо помню жизнь до детдома, хотя у меня были друзья и даже лучшая подруга была. Но что я понимала в свои десять-двенадцать лет?

— Пойдем, а то общагу скоро закроют, — сказала я и поднялась с лавочки.

— Насть, если я позову тебя погулять, ты согласишься? В выходной, например? — неуверенно спросил Матвей.

— Вряд ли, — ответила я, прибавляя шаг.

— Почему?

— Матвей, мы не друзья. И не думаю, что ими станем.

— Почему? — настаивал он.

Я резко остановилась и посмотрела на него.

— А ты сам не видишь? Я злая, агрессивная и живу по своим правилам. Со мной не стоит дружить, Матвей.

— Разве это причина?

— Это достаточная причина, чтобы не сближаться со мной. Мои тараканы в голове этого не одобряют.

Я не стала ждать его очередных вопросов или высказываний, прибавила шаг и вскоре скрылась за углом общежития.

— Матвей —

Я проводил Настю взглядом и двинулся в свой корпус. Что же творится в душе у нее, раз она так смотрит на мир и людей? Что должно было произойти, чтобы так обозлиться на все?

Меня задела ее слова о дружбе. Сначала она назвала меня живым, потом отказалась дружить. И помощь... Разве я накормил ее ради чего-то взамен? Я сделал это, потому что хотел. Потому что помощь людям иногда приносит удовольствие. Да, взамен я бы хотел получить ее улыбку, и я ее получил. Так что мы квиты.

Когда Настя напала на девчонку, я был в ужасе. Я никогда не слышал столько мата даже от отца, а у него широкий словарный запас. И эта ярость. Горячая, жесткая, словно выпущенный из клетки дикий зверь. Если бы Тимур не оттащил, девчонке здорово бы прилетело по лицу. Интересно, а зачем он это сделал? Зачем вмешался, если сам привык решать проблемы кулаками?

В своих мыслях я поднялся в комнату, где на кровати развалился Марк с телефоном и Тимур с банкой пива возле окна.

— Успокоил? — спросил Тимур.

— Да, нормально, — ответил я и сел на стол.

— Марк, что произошло, в курсе?

Марк нехотя убрал телефон, сел на кровати и посмотрел на меня.

— Полинка чудит. То еду выкинула, то вещи порезала.

— Офигеть! — воскликнул я. — За что?

— Не знаю, что там обычно девчонки поделить не могут.

— И ты провел беседу с этой Полиной? — Я злился. И понимал, почему Настя вела себя так агрессивно.

— Нет.

— Почему?

— А зачем мне это? Мне плевать, — спокойно ответил Марк.

Я поднялся со стола и подошел к младшенькому.

— Марк, ты вообще живой? Ты точно человек, а не бетонная плита? На бизнес отца плевать, на семью плевать, на нас плевать, на то, что твою девчонку чуть не избили, тоже плевать. Ты знаешь вообще другие слова?!

Марк хмыкнул и скрестил руки — еще одна его идиотская привычка.

— Мне что, заняться нечем, кроме как вмешиваться в чужие дела? Полина не моя девчонка, она тупая, как пробка, и крутится вокруг меня. С чего я должен ее защищать?

— Матвей, угомонись, — вступил Тимур. — Ты не тем занимаешься. Тебе задание было дано, узнал что-нибудь?

Я медленно повернулся к старшему, стораю от желания послать его к черту. Обоих послать: одного за безразличие, второго за паранойю.

— Нормальная она! Обычная девчонка, — сквозь зубы сказал я.

— Нет, — протянул Тимур. — После сегодняшней стычки я почти уверен, что не обычная. А ты что думаешь, Марк? Ты учишься с ней.

— Откуда я знаю? Мы общались всего один раз на тестировании.

Тимур спрыгнул с подоконника, выкинул банку и остановился напротив меня. Он всегда так делал, когда хотел показать свою власть над нами. Мол, смотрите, какой я сильный и крутой. От этого всегда передергивает.

— Я сам узнаю, раз тебе сложно. Раз тебе бабские разборки важнее семейного дела. — Он сделал еще шаг ко мне. — Я вижу, ты запал на нее. Так вот потом не жалуйся, что я снова обошел тебя.

— Что это значит?

— Ты и так понял, что. Когда девчонки становятся болтливыми? Когда им кто-то нравится. Они готовы свою душу на блюдечке выложить. Или, когда их запугивают. Не захочет добровольно выкладывать, будем действовать грубо.

— А если ты окажешься неправ?

— Посмотрим, Матвей.

Я думал, он шутит. Нет, я был почти уверен, что брат шутит, хотя чувство юмора ему отрезали вместе с пуповиной. Но кто как умеет, я не осуждаю. Только серьезное выражение лица Тимура говорило за него.

— Ты серьезно готов сломать жизнь человеку из-за того, что тебе что-то показалось? — уточнил я.

— Почему сразу сломать? Я буду нежен и ласков, — сказал Тимур и ухмыльнулся.

Неживой Марк хмыкнул. Иногда он издавал звуки, чтобы напомнить о том, что он есть. Но в этот раз это было невовремя. Я сжал кулаки так, что ногти впились в кожу. Впервые в жизни мне так сильно хотелось ударить старшего брата.

— Не трогай Настю. Я сам все узнаю, — устало сказал я.

Тимур промолчал, и это молчание могло означать, что угодно. Потому что за свои двадцать лет я ни фига не научился понимать родных братьев!

Ночью я с трудом смог заснуть. Перед глазами стояли печальные голубые глаза, в ушах ее мольба. Она просила не жалеть, просила быть с ней на равных. Но почему мне хочется, наоборот, пожалеть? Почему мне кажется, что именно в этом она нуждается, а не в грубых, даже опасных тренировках?

Я не понимал, что мне делать. Я не хотел выпытывать у нее тайны, но еще меньше я хотел, чтобы Тимур сделал ей больно.

Она не злая и не агрессивная, она сломанная и раненая, пытается защищаться, как может. Ненавидит этот мир, наверное, он принес ей много боли, как и люди. И я хотел помочь. Чем угодно — едой, поддержкой, разговорами, лишь бы она улыбалась. Лишь бы эти красивые глаза не грустили.

Я с силой зажмурил глаза, отгоняя от себя мысли и образы, пытался думать об игре. Но снова и снова видел эту боль и отчаяние, с которыми произносила Настя каждое слово. И как сильно щемило внутри, когда я поддался на поле и видел ее падения.

Глава № 6

— Настя —

Я с грустью ощупывала свои джинсы, которые, конечно же, не высохли за ночь. Вода не капала, но они были еще насквозь мокрые. После уличной тренировки у меня не было выбора — я пришла настолько грязная, что не осмелилась бы ехать в таких вещах. А других у меня больше нет.

Я снова посмотрела на спящую блондинку. Ярость отпустила, но ненависть нет. Как же хотелось наказать ее за поступки, но в глубине сидело понимание — она просто избалованная дура. И тоже жертва неправильного воспитания, где не показали, как нельзя обращаться с людьми.

Выбора не было, и я натянула мокрые, холодные джинсы на ноги. Ткань сразу неприятно прилипла к телу, и по телу побежали мурашки. Яна уже была готова и ждала меня возле двери, держа пакет с запасными вещами. Мне брать было нечего.

Я накинула тонкую кофту, на которую планировала сесть в машине, чтобы не намочить сидения своими штанами, и за пять минут до назначенного времени мы уже стояли у ворот института. Холодный ветер пробирал до костей, и я тряслась в попытках согреться. Осень в нашем регионе всегда приходила рано, но в этом году она издевалась надо мной. Специально напускала ветра, чтобы я мерзла в тонких вещах, и еще больше ненавидела эту жизнь.

Тимур приехал без одной минуты десять. Я хотела прыгнуть на заднее сидение, но он открыл мне переднюю пассажирскую дверь. И я поняла почему — сзади все было завалено обоями, краской и ведрами. Хрупкая Яна с трудом втиснулась в свободное пространство, я сняла кофту, бросила на сидение и села. Тимур посмотрел на мой жест с удивлением, но ничего не сказал.

Я вспомнила, как он вчера держал меня, прижимая к себе так, что чувствовала биение его сердца. В детдоме я могла справиться с любым пацаном, особенно в порыве ярости, когда сил становится намного больше, чем обычно. И это пугало меня — с такой физической силой я еще не сталкивалась, поэтому инстинктивно хотелось держаться от Тимура подальше. Может, он и не собирается ничего делать, но я привыкла к предсказуемости.

В детдоме я знала каждого из старших воспитанников. Знала, на что они способны, как сильно бьют и что могут сделать. Было всего двое парней моего возраста, еще столько же — на год и два младше. И мы играли с ними в баскетбол, общались и в принципе вели мирную жизнь. Конечно, без стычек не обходилось, особенно на поле, но я не дралась с ними. Только с младшими, которые задирали Пашку и другую малышку.

А тут один моего возраста, еще двое — старше. И как минимум у двоих из братьев сила намного больше моей, и я не знала, на что они способны. Но была уверена, что Тимур точно может вырубить одним ударом. Хотя ему и бить не нужно — одного взгляда достаточно, чтобы противник убежал, поджав хвост. Столько уверенности я не видела никогда, наверняка он и не боится ничего.

В машине я постоянно вздрагивала от холода, потому что эти проклятые штаны никак не хотели высыхать! Мысленно я ругалась на всех подряд — ничего не получается сделать нормально, все через задницу! Как и вся моя жизнь идет через одно место.

И пока я смотрела в окно, дрожа от холода, мне на ногу упала рука. Не легла, а прошлась несколько сантиметров и убралась обратно.

— Почему ты в мокрых джинсах? — спокойно спросил Тимур.

А я уже готовилась врезать ему. Вот с ходу кулаком вцепить в ухо, потому что трогать меня второй раз за два дня — перебор. Но сдержалась — все-таки он за рулем, и попасть в аварию не хотелось бы.

— Постирала. Не высохли, — коротко ответила я.

Тимур, ни слова не говоря, что-то покрутил на приборной панели, и тут по ногам потекло тепло. Такое легкое, приятное, что я даже забыла, с кем еду в машине. Но тут же взяла себя в руки, искоса посмотрела на Тимура и сжала губы, чтобы случайно не поблагодарить. Эти братья точно сведут меня с ума! Их молчаливая забота кажется такой странной, ненастоящей. Если Матвею еще хочется верить, то Тимур не стал казаться менее опасным. Его холодный взгляд холоднее льда в морозилке, даже когда он смотрит на дорогу.

Яна молчала. Она вообще всегда молчит, и почему-то это шевелит внутри меня какие-то непонятные чувства. Она ведь первая со мной заговорила, попыталась подружиться, а я больше общаюсь со странными братьями, чем с ней.

Матвей вчера позвал гулять, а я отказалась. Дурак, не понимает, что плохой из меня друг. Я не могу доверять людям, не могу ни с кем сближаться, потому что вся моя жизнь будет посвящена брату. Она уже ему посвящена, и свободного времени на гулянки у меня просто нет. Я мысленно вздохнула. Хороший он парень. Добрый, открытый, заботливый. И я. Злая, забитая, агрессивная, опасная.

— Кофе будете? — вырвал меня голос Тимура.

Я покачала головой, Яна тоже отказалась. Тимур припарковал машину у кафе быстрого питания, и ушел.

Я проследила за ним взглядом, а потом повернулась к Яне.

— Он тебе нравится?

— Не знаю, Насть. Он же на четвертом курсе, они там все... крутые типа. — Она придвинулась ко мне. — Я слышала, как Марк говорил Полине, что Тимур в общаге главный.

— А что еще слышала? — с интересом спросила я.

Яна посмотрела по сторонам и зашептала:

— Я слышала от парней, что семья Филатовых чем-то занимается... бизнес какой-то. И ходят слухи, что там незаконное что-то.

— Даже так? — удивилась я.

— Братьев замечали на каких-то разборках. Я не поняла толком, о чем речь, может, просто пацанские драки.

— Всех братьев?

Яна кивнула. Так вот почему предчувствие опасности не покидает меня. Но неужели Матвей тоже в этом замешан?

У нас в детдоме были такие парни. Конечно, ничем противозаконным они заниматься не могли, но за воровством и запугиванием были замечены неоднократно. Так вот от них тоже веяло опасностью и чем-то еще, неприятным. Именно такое же чувство у меня рядом с Тимуром.

Если Яна права, то общение с Матвеем мне совсем не на руку. Их загребут, и я под руку могу попасться. Надо бы выяснить — правда это или нет, стоит их опасаться или это все сплетни.

Тимур вернулся в машину с тремя стаканчиками кофе. Протянул Яне, и она с сомнением взяла, коротко поблагодарив его. А я не хотела брать. Я же сказала, что не хочу, и почему они так упорно делают все наоборот?

— Пей и грейся. Не хватало, чтобы ты заболела, а там дети, — сказал Тимур и сунул мне стаканчик с кофе.

Потом снова, пока мои руки заняты, провел ладонью по брюкам. Сделал это так легко, невзначай, будто я давала разрешение! И надо бы ему сказать что-нибудь, чтобы не трогал больше, но снова промолчала. А он опять включил печку, потому что брюки еще были влажными.

К месту назначения я приехала уже злая, но в сухих джинсах. Наверное, они высохли от моей горячей ненависти — иначе никак, потому что поступки Тимура, его наглость бесили до чертиков. Я ненавижу, когда меня трогают без спроса, когда так дерзко врываются в мое личное пространство. Понимаю, что может в этом мире такое поведение — норма, что парни считают своим долгом лапать девчонок, но я из другого, черт возьми, мира!

Возле дома нас ждали уже трое других участников фонда. Парни помогли разгрузить машину, и мы дружно зашли к семье. Встретила нас взрослая женщина и трое детей — девчонка лет десяти, мальчик лет семи и совсем грудной малыш. Средний мальчишка оказался самым тактильным — здоровался с нами, обнимался, и не отходил ни на шаг.

В комнате, где нам предстояло работать, стены были уже подготовлены к поклейке обоев. Для переодевания выделили отдельное помещение, и сначала ушли парни, а потом Яна и еще одна девчонка.

Работа кипела во всю. Мы клеили обои, потом поменяли линолеум, и комната здорово преобразилась. Спустя два часа хозяйка налила всем чай и поставила на стол тарелку с пирожками. Мой желудок, голодный со вчерашнего дня, отреагировал моментально. И пока я пила чай, ко мне подошел мальчишка. Посмотрел на меня своими большими карими глазами с любопытством. Я улыбнулась ему. Он тоже улыбнулся, и я подхватила его на руки.

Мальчишка сидел у меня на коленях и рассказывал о детском садике. Говорил быстро, выговаривая не все буквы, но я внимательно слушала и задавала вопросы. Постоянно ловила на себе взгляды ребят, а потом укол обиды вонзился в самое сердце. Пока я здесь играю с чужим ребенком, мой Павлик ждет меня у окна детского дома. Я обещала приехать, но я не пришла, и наверняка он грустит там в одиночестве.

А мне бы так хотелось проводить с ним вот такие вечера. Сидеть вместе за столом, пить чай, кушать печенье или пирожки. Ради него я готова научиться готовить и печь, лишь бы он всегда улыбался.

Я обняла мальчишку и вдохнула детский аромат волос, представляя Пашку. Вспоминая, как мы так же сидели в детдоме, пока он играл или читал. Как засыпал на руках, и я уносила его в кровать. Мой бедный Павлик...

Тоска съедала меня, я очень хотела увидеть его, но не могла променять долгую жизнь вместе на разовые встречи. Мы обязательно будем вместе, я обязательно добьюсь своей цели, даже если для этого придется работать ночами.

Плевать на все и всех, дороже брата у меня никого нет и не будет. И пока я не заберу его из этого проклятого детдома, не смогу нормально жить.

Я не заметила, как разошлись ребята, и я осталась с мальчишкой за столом. И только напротив меня два темных глаза смотрели с любопытством. Во взгляде не было холодности, только интерес, но почему-то это пугало больше, чем привычное равнодушие.

Я отпустила мальчика и ушла к ребятам. Нам оставалось поклеить обои в еще одной комнате, и мы укладывались в те четыре часа, о которых говорил Тимур. У меня оставалось время, чтобы выйти в вечернюю смену. Хватило бы только сил.

— Насть, помоги мне, — сказал Тимур, и я подошла к нему. — Запрыгивай на стул, прижимай обои сверху, а я дальше. Стена неровная, сложно в одиночку.

У меня не было желания спорить, в конце концов он тут главный и старший. А мне хотелось побыстрее закончить и уехать на работу, чтобы успеть на вечернюю смену.

Тимур подавал мне обои, я поднимала их наверх и приглаживала под потолком. Он шпателем вел вниз, и получалось довольно неплохо. Я старалась не обращать внимание на то, что он постоянно касался меня, будто случайно. Может, и правда случайно, и я просто параноик. В стесненном пространстве иначе не получалось, мы были почти прижаты друг к другу, но я упорно концентрировалась на обоях.

На очередном полотне Тимур неожиданно хмыкнул, и я посмотрела на него.

— Мы в детстве с братьями как-то решили обои в своей комнате поменять. Мне было лет девять, Матвеем восемь и Марку шесть, соответственно. Лежали у нас старые бабушкины обои, и мы взялись за ремонт.

— И чем закончилось? — с интересом спросила я.

— Тремя углами, — сказал Тимур и улыбнулся. О боже, он умеет улыбаться! — Влетело нам тогда от родителей по первое число.

— Забавно, — отреагировала я и слегка улыбнулась.

— А потом, когда родители решили закончить начатый нами ремонт, и отвлеклись, мы с Матвеем закатали Марку в рулон. Как же он орал! — Тимур засмеялся, и я впала в ступор. Ледяной король, оказывается, умеет еще и смеяться? Может, он человек? — И родители заставили нас освободить его. Но раскатать обратно мы не смогли, потому что обои уже схватились. И мы взяли ножницы.

— О нет! — со смехом воскликнула я.

— Да! Побоялись ему отрезать важные места, и начали резать со спины. Короче, немного промахнулись и отрезали ему волосы! Он потом долго такой красивый ходил, а нас снова ждали углы.

Я смотрела на улыбку Тимура, и он становился похожим на Матвея. Неужели он может быть таким?

— Три пацана в доме — это сильно, — сказала я.

— На самом деле, мы росли относительно спокойными. У нас только Матвей заводила. Он то с дерева рухнет, то собака его укусит, то сарай подожжет. Собственно, с возрастом ничего не изменилось.

— Разве это плохо? Он такой, какой есть.

Я улыбнулась, вспоминая Матвея. Может он быть и серьезным, и не очень. И ему подходят обе стороны.

— А ты? У тебя есть братья, сестры?

— Есть младший брат, — честно сказала я.

— Значит, ты тоже старший ребенок в семье, — хмыкнул Тимур.

— У нас десять лет разницы, это немного не так, как у вас. Мы не соперничаем, не деремся. Он ребенок еще, а вы уже все взрослые.

— Поэтому ты так с этим мальчишкой играла? По брату скучаешь?

Его вопрос застал меня врасплох. Я не знала, что сказать ему, да и в целом разговаривать о Павлике не было желания. Но он заметил мою возню с малышом, смотрел на нас. Что это? Простое любопытство?

— Да. Скучаю, — тихо сказала я.

И, не давая задавать следующие вопросы, разгладила последний лист обоев и попыталась слезть. Но перестаралась, либо задумалась, и оступилась. Падение было неизбежным, если бы не Тимур. Он так ловко подхватил меня своими огромными руками за талию, что я застыла на месте. Он держал меня, я схватилась за его плечи и просто думала о том, что в последнее время происходит что-то странное в моей жизни. Слишком много парней, слишком много внимания, к которому я не привыкла, слишком много черных глаз.

Я резко одернула руки и отступила назад, заставляя Тимура отпустить меня. Даже не знаю, что лучше — упасть или оказаться прижатой к самому холодному из братьев. Да и вообще к кому-либо.

Мне сложно реагировать на прикосновения адекватно. Во время игры такое происходит часто, но там я не чувствую себя девчонкой, и любые столкновения с парнями, касания рук остаются без внимания. А чтобы вот так, как Тимур второй день подряд — для меня это почти новинку. Не скажу, что мне неприятны именно его прикосновения, скорее, прикосновения в принципе. Хотя, в отличие от того, что было в детдоме, хватка Тимура хотя бы не вызвала

противную дрожь и тошноту. Но я настолько привыкла отрицать любые попытки приблизиться к себе, что вряд ли буду когда-нибудь получать удовольствие от прикосновений.

Обратно мы возвращались в тишине. Я снова сидела рядом с Тимуром, но он молчал, и я была рада этому. Я успевала на вечернюю смену, и все складывалось вполне удачно.

Тимур высадил нас возле женского корпуса, Яна ушла в общагу, а я побежала на работу. Все, как всегда — привычный ритуал. Тихо радовалась, что успею до закрытия общежития, а на утро я уже наметила визит к Павлику. Это еще больше приободрило меня, и работала я с хорошим настроением.

Я не думала о братьях, о проблемах. Все ушло на второй план, потому что я была в предвкушении завтрашней встречи с братом. Это круче любого свидания. Это круче всего на свете. Я смогу забрать Пашку на прогулку, и мы целых два часа проведем вместе!

Вся в планах и в ожидании я разносила заказы из кафе быстрого питания, нюхая запах картошки фри и нагетсов. Дико сводило желудок от голода, но я решила потратить деньги на сладости для Пашки. Он точно обрадуется шоколадке и Киндеру. А я буду счастлива видеть его улыбку.

Но, если бы жизнь была гладкой, как стекло, наверное, было бы скучно, а мелкие удачи не приносили столько счастья. До конца смены оставалось несколько минут, и мне пришел заказ. Я успевала его отнести, вернуть форму и дойти до общаги. Только начался какой-то ужас.

Сначала заказ готовили слишком долго. Не положенные десять минут, а двадцать пять. Я сильно нервничала, и уже хотела отказаться, но тут на табло появилась нужная цифра, и я кинулась к кассе. Забрала еду, запихнула в сумку и быстрым шагом, почти бегом, понесла по указанному адресу.

Возле забора набрала нужную квартиру на домофоне, но мне не открыли. По правилам я должна подождать десять минут, после чего могла отменить заказ. И я ждала. Я все еще успевала добежать до общаги, правда бежать пришлось бы быстро. На девятой минуте мне, наконец, открыли ворота. Я кинулась к подъездной двери и снова набрала номер домофона. И снова мне не торопились открывать. Люди иногда поступают, как настоящие свиньи! Зная, что курьер уже вошел в ворота, они открывают вторую дверь издевательски долго!

Наконец, пикнул домофон, и я забежала в подъезд. Нажала на кнопку лифта, и она не загорелась. Не стала ждать и побежала на девятый этаж пешком. Уже на пятом запыхалась, к девятому еле двигала ногами. К клиенту пришла вся потная, злая и на дрожащих коленях. Отдала заказ и кинулась тем же путем назад.

Но часы говорили, что я опоздала. До закрытия общаги оставалось десять минут, а мне еще нужно было вернуть форму и сумку. Я не могла прийти с этим добром, зная, кто у меня в соседках.

И все же я торопилась. Пусть опоздаю, но постучусь, и вахтер откроет! Попрошу прощения, куплю ей завтра шоколадку, но внутрь попаду. С решимостью танка я сдала форму и поплелась в общагу. Бежать я уже не могла. У меня не было ни сил, ни желания. Ноги подкашивались, я споткнулась и грохнулась на траву. Было не больно, но обидно. И обиднее всего, что на коленях брюк остались грязные пятна. А это означало одно из двух — либо я не иду к Паше, либо я опять иду в мокрых джинсах. Конечно, я выбирала второе, и никакая грязь на штанах меня не остановит. Главное — прийти в чистом, чтобы там меня видели, как примерную сестру, а не бомжа.

К общежитию я пришла уже через полчаса после закрытия. Постучала в дверь, но в ответ мне прозвучала только тишина. Заглянула в окошко и разочарованно уронила руки — на посту никого не было.

Я села на холодные ступени и закрыла лицо руками. Я могла переночевать на улице, но тогда мне не увидеть Павлика. А еще я замерзну, почти наверняка заболею от истощения и не смогу ходить на работу.

Безысходность накрывала меня с головой. Я устала. Я дико устала за эти два месяца, что не живу в детдоме. Так рвалась на свободу, а что теперь делать с ней — не знаю. Как вытащить брата, как успеть все. Учиться, работать, заниматься спортом, ходить помогать другим. В одиночку это очень сложно. Но просить помощь? Я же слишком гордая и знаю, чем это обернется.

Но сейчас я понимала, что, возможно, впервые готова обратиться за помощью. Впервые готова плюнуть на свою гордость и сделать то, что против всех моих правил и принципов. Не ради себя, а чтобы завтра увидеть свои любимые глазки. Чтобы сдержать обещание. Ведь он ждет.

Я достала телефон, и еще минут пять смотрела на экран. Надо решиться. Просто позвонить. Ничего же не случится? Ведь Матвей говорил, что иногда людям нравится помогать, вдруг это тот самый случай?

И я набрала номер. Долго держала палец над кнопкой вызова, пытаюсь успокоиться и принять тот факт, что за помощью обращаться не стыдно. И нажала кнопку вызова. После первого гудка поняла, что назад дороги нет. После третьего услышала тихое «Да».

— Тимур, я... мне неудобно к тебе обращаться, но не мог бы ты помочь?

— Могу, — коротко ответил он.

— Я слышала, ты главный в общежитии. Я опоздала, вахтер уже закрыла дверь, и я не могу попасть, мне не открывают...

— Жди возле двери, я позвоню вахтеру. Сейчас откроют.

— Спасибо, — выдавила я и подавилась этим простым словом.

— Не за что.

Я отклонила вызов, и вернулась к двери. И через пару минут услышала щелчок замка. На пороге появилась Ольга Николаевна — строгая старушка, очень любящая правила.

— Простите, Ольга Николаевна! Такое больше не повторится, — залепетала я.

Она лишь угукнула и закрыла за мной дверь. Я помчалась в комнату и поняла, что, оказывается, можно просить помощи. Только что он теперь попросит взамен?

— **Матвей** —

Я смотрел на ухмылку Тимура после звонка и мне это не нравилось. Чувствовал, что мне это не понравится, и не стал спрашивать. Меня это не касается, кто ему звонит, кто там опоздал в общежитие. Это не мое дело. В моей голове должна быть только подготовка к скорым соревнованиям, к выходу в лигу, и...

— Все нормально? Запустили? — сказал Тимур в трубку. — Ничего ей не надо покупать! Подумаешь, полчаса. Всякое бывает. — и снова слушал. — Ладно, отдыхай.

И отклонил вызов. Готов поклясться, что брат улыбнулся. Не ухмыльнулся, а именно улыбнулся. Я догадывался, о чем речь. Но молчал, не хотел услышать это.

— Что там случилось? — ожил Марк, как всегда, невовремя.

— Ничего особенного, — спокойно ответил Тимур.

Молчи! Просто молчи. Это же несложно — на время стать безжизненным Марком.

— Это Настя? — Чертов язык.

— Ага, — кивнул старший.

— А почему она тебе позвонила?

— Я же тут главный, это логично, братец.

Действительно, логично. Куда уж логичнее-то!

Я отвернулся к стенке и уставился в желтую краску. Старался громко не дышать, чтобы не радовать Тимура.

И что я так разнервничался? Подумаешь, ну позвонила ему. Мы же не встречаемся, и она в принципе мне ничем не обязана. Она дала ясно понять, что друзьями быть не хочет, а это значит, что и на большее рассчитывать не стоит. Это нормально, такое бывает. Конечно, Тимур

лучше. Он вон какой серьезный, и смотреть умеет так, что девчонки сами идут. И старше. И умнее, возможно. А я что? Да ничего. Просто тренер, капитан команды и все.

— Завтра родители к себе зовут, — сказал Тимур. — Отец, точнее. Мама уехала к тетке.

— Зачем? — спросил я у стены.

— Дело есть.

— Я не пойду, — буркнул я.

— Это что еще за фокусы? Куда ты денешься!

— Я не хочу этим заниматься, Тимур! — Я повернулся к нему. — Достало!

— У нас нет выбора, — отреагировал старший. — Свои хотелки давно пора в задницу себе засунуть.

— А ты? Тебе самому нравится этим заниматься?

— Еще раз говорю: у нас нет выбора! Нас никто не спрашивает! Мы уже один раз подали голос, и оказались здесь!

Я снова отвернулся к стенке. Разговаривать с Тимуром нет смысла — этот прихвостень отца будет всю жизнь, как собачка, бегать за ним. Голос подали! Ага, всего лишь заикнулись, что хотим обычной жизни, где нет риска сломать шею, нарвавшись на авторитетов. Отец так орал, что мы ссыкло, и заставил нас съехать. Потом и Марка к нам отправил — но этому таракану вообще пофиг, где жить. Главное, чтобы интернет был и девчонки.

Утром я ушел на пробежку, пока братья еще спали. Моросил дождь, осенний ветер приятно охлаждал лицо, но я был в своих мыслях. Пока бежал по тропинке в парке, думал о том, как уйти от влияния отца. Сейчас мы находимся на полном его обеспечении, имеем все, что нужно и даже больше. Конечно, у Тимура больше, потому что он старше, но нам с Марком жаловаться тоже не приходится. У нас общий банковский счет, куда отец кидает деньги, и в средствах мы не ограничены. Если он лишит нас обеспечения, это будет, грустно, но не смертельно.

Мою команду спонсирует институт — мы делаем ему неплохую рекламу, и за это получаем новую форму, мячи и возможность соревноваться на крупных площадках. Добивался я этого целый год, и сначала приходилось тратить свои деньги на развитие команды. Сейчас в этом нужды нет.

На мои личные прихоти я могу зарабатывать, плюс стипендия. Не густо, но лучше, чем заниматься нелюбимым делом. Нужно только команду в лигу вывести, а потом и о себе подумать.

Я бегал час по мокрым дорожкам, не чувствуя усталости. Людей воскресным, дождливым утром было мало, и я концентрировался только на движении мышц. Мысли мешали и отвлекали, хотя обычно я стараюсь отключаться от всего. Смешалось все подряд, и в этой каше я постоянно видел те самые грустные глаза.

Возвращался в общагу я тоже с мыслями о глазах, и когда увидел возле института их владелицу, не смог не подбежать. Настя шла по тропинке, обхватив себя руками, и смотря под ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.